

ШУМИЛИН МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва); старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва) mvshumilin@mail.ru

Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык»

Методологические дискурсы медиевистской и антиковедческой текстологии плохо контактируют между собой и часто игнорируют тезисы друг друга, и представление, будто дело в принципиально различной природе античных и средневековых текстов, вряд ли корректно. В статье делается попытка наладить этот контакт и охарактеризовать подход медиевистской «новой филологии» в (стемматической по своей сути) перспективе латинистики, прежде всего антиковедческой. При этом оцениваются плюсы и минусы того, чтобы смотреть на рукописные различия как на равноправные варианты (перспектива «новой филологии») и как на изначальное чтение vs ошибки (перспектива стемматизма). В первом разделе статьи резюмируется критика стемматистов в адрес «новой филологии» и схожих подходов. Автор приходит к выводу, что слабым местом «новой филологии», приводящим к нелепостям, является «антирецензионистская» риторика, основанная на плохом понимании современного стемматизма и «рецензионизма».

Во втором разделе рассматривается вопрос о том, какие идеи «новой филологии» могут быть полезны для уточнения стемматического метода. Указывается, что в отходе от утилитаристского взгляда на рукописи можно видеть логичное развитие внутренних тенденций современного стемматизма. В третьем разделе высказывается предположение, что будет продуктивно посмотреть в описанной перспективе на вопрос о том, как работать с языковыми «неправильностями» рукописной традиции некоторых латинских памятников VI в. (прежде всего «Истории» Григория Турского и Устава св. Бенедикта). Предлагается, вопреки популярной в последние годы критике, вернуться в этих случаях к «аномалистскому» подходу, подразумевающему отражение языка рукописей в тексте издания.

Ключевые слова: вариант; Григорий Турский; «новая филология»; ошибка; стемматизм; текстология; Устав св. Бенедикта.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шумилин М. В. Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык» [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). С. 28–75. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2020-1-2-shumilin>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10002

MIKHAIL SHUMILIN

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Moscow); Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
mvshumilin@mail.ru

Error vs Variant: The “New Philology”, Latin Studies, and the “Bad Language”

The theoretical discourses on method in the fields of medieval text studies and textual criticism of Greek and Latin classics are to a great extent mutually isolated. The widespread explanation that the nature of classical and medieval texts is fundamentally different is hardly convincing. The article attempts to help disrupt this isolation by discussing the approach of the medievalist “new philology” from the perspective of primarily classicist Latin studies, which is essentially a stemmatist perspective. The advantages and disadvantages of viewing manuscript readings as completely equal variants (the perspective of the “new philology”) and as the original reading vs errors (the perspective of stemmatic textual criticism) are also discussed. The first section summarizes the criticism addressed by stemmatists to the “new philology” and to other “anti-recensionist” approaches to the text. I conclude that the weak side of the “new philology” is its “anti-recensionist” rhetoric, which is based on poor familiarity with the nature of contemporary stemmatic and “recensionist” approaches. While pretending to pay attention to the individuality of a particular manuscript, the “anti-recensionist” forms of the “new philology” actually distort its individual nature and act disrespectfully towards it.

In the second section I discuss what stemmatic approaches to the text can gain from the ideas of the “new philology”. I suggest that abandoning an utilitarian approach to manuscripts discouraged by the “new philology” can actually be seen as a logical consequence of the internal developments of contemporary stemmatism. In the third section I argue that it might be fruitful to apply the perspective discussed so far to the problem of editorial approach to instances of “incorrect” Latin in the manuscript tradition of several sixth-century Latin texts (first of all, Gregory of Tours’ *History* and the Rule of Saint Benedict). Despite objections to this approach that have recently become popular, the “anomalist” approach is recommended, which implies reflecting the language of the manuscripts in the edition.

Key words: error; Gregory of Tours; “new philology”; stemmatic textual criticism; the Rule of Saint Benedict; variant.

FOR CITATION

Шумилин М. В. Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык» [Digital Resource] [Shumilin M. Error vs Variant: The “New Philology”, Latin Studies, and the “Bad Language”] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). P. 28–75. URL: <http://voxmediiavei.com/2020-1-2-shumilin>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10002

Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык»

Медиевистская¹ «новая филология»² и «критика текста», какой ее практикуют прежде всего нынешние антиковеды³, — одна из, может быть, самых ярких пар связанных по своей сути направлений в современной науке, между которыми почти полностью отсутствует диалог. Границы подходов во многом совпадают здесь с границами

2. «Новая филология», как она определена в подготовленном Стивеном Николзом программном выпуске журнала «Speculum» под названием «The New Philology» в 1990 г., не является единой школой, и примыкающие к ней ученые связывают с ней довольно большой набор концепций из разных областей науки (лингвистики, литературной интерпретации и т.д.: см.: *Dembowski P. F. Is There a New Textual Philology in Old French? Perennial Problems, Provisional Solutions // The Future of the Middle Ages: Medieval Literature in the 1990s / ed. by W. D. Paden. Gainesville, 1994. P. 87–112; Ménard P. Réflexions sur la 'nouvelle philologie' // Alte und neue Philologie / hrsg. von M.-D. Gleßgen, F. Lebsanft. Tübingen, 1997. S. 17–33*). В настоящей работе, следуя предложенной редакцией журнала перспективе, я буду связывать с «новой филологией» прежде всего текстологическую концепцию, изложенную в книге Бернара Серкилини «Похвала варианту»: *Cerquiglini B. Éloge de la variante: histoire critique de la philologie. Paris, 1989* (существует также английский перевод: *Cerquiglini B. In Praise of the Variant: A Critical History of Philology. Baltimore, 1999*; к сожалению, я не имел в настоящей статье возможности указать, каким страницам в нем соответствуют подразумеваемые мной фразы французского издания) и ставшую общей отправной точкой для большинства авторов, опубликовавших свои статьи в упомянутом выпуске «Speculum»^а. В позднейших исследованиях, если не ошибаюсь, понятие «новой филологии» также чаще всего ассоциируется именно с текстологической концепцией, но иногда также смешивается с «материальной филологией», часто обозначающей практику, уже не связанные с полемическими взглядами Серкилини. Хайо Вестра предлагает различать «новую филологию» и «материальную филологию», и я следую его предложению (также принятому другими авторами этого сборника): *Westra H. J. What's in a Name: Old, New, and Material Philology, Textual Scholarship, and Ideology // Neo-Latin Philology: Old Tradition, New Approaches / ed. by M. van der Poel. Leuven, 2014. P. 13–24*; предметом настоящей статьи будет именно «новая филология», т.е. собственно текстологические импликации взглядов последователей Серкилини и Николза на чтение рукописей.

1. Получить доступ к необходимой научной литературе в условиях карантина, когда писалась эта статья, было сложнее обычного, поэтому я должен особенно тепло поблагодарить всех, кто помогал или пытался помочь мне с получением нужных работ: А. В. Белоусова, Б. М. Никольского, Е. А. Щербакову. Некоторыми изложенными в статье мыслями я обязан беседам с Д. С. Николаевым и Е. Д. Шуминой. Я также благодарю обоих рецензентов и редакторов журнала *Vox medii aevi* за ценные замечания и советы.

3. Нередко для перевода англ. *textual criticism* и эквивалентов из других языков используют слово «текстология» (его иногда считают введенным Б. В. Томашевским, который, однако, оперировал им уже как устоявшимся термином: *Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 10*; до 1928 г. прилагательное «текстологический» фиксируется как минимум в книге Г. О. Винокура: *Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 9* и др.); сама эта замена названия несколько смещает фокус с прагматики описываемой деятельности на ее материал (не «работа над текстом, выявляющая, что правильно печатать в издании», а вообще «изучение текста») — не случайно отечественные пособия по текстологии (среди которых следует упомянуть прежде всего книгу Д. С. Лихачева: *Лихачев Д. С. при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. СПб., 2001*) обычно окрашены мягким «антирецензионизмом» (см. о термине след. примечание).

дисциплин: «рецензионистские»⁴ подходы к работе с текстом (прежде всего «стемматический» подход, часто называемый также «методом Лахмана») практически безальтернативно доминируют в антиковедении, в то время как в медиевистике позиции «антирецензионизма» (включая и подходы к тексту в духе «новой филологии») достаточно сильны, а стемматизм распространён либо в локальных научных школах (прежде всего в Италии), либо в сфере работы с текстами на определенных языках (в частности, латинском). И представители двух подходов часто странным образом как будто не замечают существования друг друга. С одной стороны, антиковед, знакомый с критикой текста только по антиковедческим работам, с большой вероятностью может вообще не знать о существовании «антирецензионистских» текстологических практик, не говоря уже о «новой филологии»⁵, — и в этом умолчании, по крайней мере иногда, как кажется, скрыто презрительное игнорирование, не удостаивающее их даже упоминания (в отличие от антиковедов, занимающиеся Средними веками стемматисты, конечно, пишут о конкурирующих подходах довольно много; я постараюсь далее упомянуть некоторые важнейшие работы). С другой стороны, классическая для

5. Может быть, некоторые исключения связаны с некоторыми текстами медиевистов, читаемыми среди антиковедов: прежде всего с книжкой романиста Паоло Травато, напечатанной с предисловием авторитетного филолога-классика Майкла Рива, где «новой филологии» и Серкилини посвящены три едкие страницы (*Trovato P. Everything You Always Wanted to Know about Lachmann's Method: A Non-Standard Handbook of Genealogical Textual Criticism in the Age of Post-Structuralism, Cladistics, and Copy-Text. Padua, 2014. P. 43–45*), и с работами авторитетного в т.ч. среди антиковедов специалиста по средневековым латинским текстам Джованни Орланди (он, в частности, подробно обсуждает подходы в духе «новой филологии» — правда, не непосредственно Серкилини или авторов «*Speculum*» — в статье «Почему нам никуда не деться от того, чтобы называться лахманианцами»: *Orlandi G. Perché non possiamo non dirci lachmanniani // Filologia mediolatina. 1995. Vol. 2. P. 1–42 = Orlandi G. Scritti di filologia mediolatina. Firenze, 2008. P. 95–130*; в дальнейшем тексте статьи я, к сожалению, имею возможность указывать страницы большинства работ Орланди только по переизданию в этой книге).

4. Я использую далее терминологию, противопоставляющую «рецензионизм» (подход к текстологии, подразумевающий систематизацию данных рукописной традиции и восстановление гипотетического первоначального текста произведения на основе полученной реконструкции отношений рукописей; название происходит от термина *recensio*, введенного, по видимому, немецким антиковедом Фридрихом Августом Вольфом (1759–1824) для обозначения первой стадии этого процесса) и «оптимизм» (от лат. *codex optimus* «лучшая рукопись», подход, подразумевающий последовательную публикацию текста произведения по одной рукописи с вмешательством только в тех местах, где ее текст не дает никакого смысла, и иногда также с указанием чтений других рукописей в критическом аппарате; иногда этот подход также называют бедьеризмом или подходом Бедье по имени его главного пропонента, французского романиста Жозефа Бедье (1864–1938)). См., например: *Bak J. An Introduction to Editing Manuscripts for Medievalists. Logan, 2012. P. 22–27; Boyle L. E. Optimist and Recensionist: «Common Errors» or «Common Variants»? // Latin Script and Letters A.D. 400–900 / ed. by J. J. O'Meara, B. Naumann. Leiden, 1976. P. 264–274*. «Рецензионизм» можно считать более широким термином, включающим в себя не только наиболее хорошо известный «стемматизм» (он же «метод Лахмана» в широком смысле, по имени антиковеда и германиста Карла Лахмана (1793–1851); подход, предполагающий описание отношений рукописей в виде генеалогического древа («стеммы») на основании общих ошибок), но и такие явления, как издание текста на основании в целом стемматических предпосылок, но вместе с предположением, что функциональную стемму в конкретном случае построить невозможно (то, что иногда называют «открытой *recensio*»: *West M. L. Textual Criticism and Editorial Technique Applicable to Greek and Latin Texts. Stuttgart, 1973. P. 37–47*), или нестемматическую *recensio* Джона Барри Холла. Аналогичным образом, бедьеризм можно считать частным случаем «антирецензионизма», к которому относятся также взгляды, в принципе смещающие фокус в изучении текста с восстановления текста памятника для издания, т.е. в том числе и «новая филология» (ср.: *Cerquiglini B. Éloge de la variante. Paris, 1989. P. 62; Szarmach P. E. Introduction // The Editing of Old English / ed. by D. G. Scragg, P. E. Szarmach. Woodbridge, 1994. P. 2*).

«новой филологии» книга Бернара Серкилини «Похвала варианту»⁶, риторика которой делает главными антигероями Карла Лахмана (чье имя стало символом одного из подходов антиковедческой «критики текста») и близкого ему по подходу медиевиста Гастона Париса, также при всем при том в очень слабой степени учитывает современное развитие «метода Лахмана» и надменно игнорирует не только то, как он обосновывается в современной антиковедческой литературе, но даже ту критику, которую специализирующиеся на Средних веках стемматисты адресовали подобным «антирецензионистским» подходам (базовые контуры аргументации книги Серкилини оставлены без изменений и в статье Стивена Николза, ставшей вторым главным текстом для «новой филологии»)⁷. Более поздние работы, ассоциирующие себя с «новой филологией», реагируя на встреченную ею критику, уже часто стараются смягчать полемическую составляющую концепции Серкилини, но при этом все так же ссылаются в качестве главной теоретической базы своих взглядов на Серкилини и Николза, воспроизводят допущенные в «Похвале варианту» неточности в описании «метода Лахмана» и игнорируют современную антиковедческую и в целом стемматистскую литературу о теоретических аспектах критики текста⁸. То же самое характерно и в целом для медиевистского «антирецензионизма»⁹.

6. *Cerquiglini B. Éloge de la variante.*

7. *Nichols S. G. Introduction: Philology in a Manuscript Culture // Speculum. 1990. Vol. 65. P. 1–10.*

8. См., например: *Driscoll M. J. The Words on the Page: Thoughts on Philology, Old and New // Creating the Medieval Saga: Versions, Variability, and Editorial Interpretation of Old Norse Saga Literature / ed. by J. Quinn and E. Lethbridge. Odense, 2010. P. 85–102; Eriksen S. G. New Philology / Manuscript Studies // Handbook of Arthurian Romance: King Arthur's Court in Medieval European Literature / ed. by L. Tether, J. McFadyen. Berlin; Boston, 2017. P. 199–214; Nichols S. G. Philology and Its Discontents // The Future of the Middle Ages. P. 113–144. Я, разумеется, буду рад узнать, что упустил из виду какую-то работу в духе «новой филологии», для которой не характерны эти упущения.*

9. Ср. наблюдения Тровато: *Trovato P. Everything You Always... P. 21–22* (книга в целом ставит перед собой цель дать возможность тем, кто исходит из карикатурной картины современного стемматизма, уточнить ее). Ряд характерных фактических неточностей, связанных с плохим представлением об антиковедческой и стемматической литературе по текстологии, также обнаруживается и в написанном в довольно явном «антирецензионистском» ключе учебном пособии И. Н. Данилевского (*Данилевский И. Н. Историческая текстология. М., 2018*). Так, автор утверждает на с. 11, что «систематическое изложение основных принципов филологической критики текста впервые было осуществлено Б. В. Томашевским» в упомянутой выше книге 1928 г., хотя сам несколько раз ссылается на английский перевод (1958) фундаментальнейшей для развития дискуссий о текстологическом методе «Критики текста» Пауля Мааса, вышедшей в оригинале на год раньше работы Томашевского (на с. 27 его имя передано как «Поль», т.е. есть основания думать, что Данилевский не предполагает, что английский текст переводной); и очерки такого рода выходили и до Мааса, в их числе очерк Дж. П. Постгейта (*Postgate J. P. Textual Criticism // A Companion to Latin Studies / ed. by J. E. Sandys. Cambridge, 1913. P. 791–805*), из трудов которого Данилевский цитирует только энциклопедическую статью. Судя по всему, существуют какие-то трудности с нахождением информации о важнейших научных работах в этой области; мне бы хотелось настоящей статьёй прежде всего способствовать решению этой проблемы. Разумеется, этим примечанием я не хотел бы посеять сомнения в безусловной компетентности Данилевского в основном предмете пособия — текстологии в приложении к источниковедению (именно это названо в книге «исторической текстологией», по моему, не очень удачно, так как такое название может создать впечатление, будто у историков своя текстология, а у филологов — своя, и детально разбираться в «чужой» и тем, и тем не так важно; на с. 27 сначала рассматривается возможность назвать это явление «историковедческой текстологией», кажется, это было бы лучшим решением) и не хотел бы, чтобы мое замечание как-то задело автора; но искажения перспективы, подобные обсуждаемым, в авторитетных пособиях кажутся мне серьезной проблемой, которую не следует обходить вниманием.

Популярная уловка, позволяющая уйти от ответа, как это две дисциплины могут настолько закрывать глаза на различие их подходов, заключается в объяснении, будто причина на самом деле в различии самого материала и античные тексты принципиально авторские и стабильные, в то время как средневековые (за исключением латинских?) переделываются в каждой рукописи¹⁰, а потому для разных периодов подходят разные методы. Однако это объяснение также, если вдуматься, не работает, так как античные тексты (как и средневековые латинские) вполне бывают анонимными и весьма активно перерабатываемыми переписчиками, и это не мешает антиковедам издавать их стемматически (конечно, различая тексты разных редакций, где это необходимо)¹¹.

Автор настоящих строк — латинист, занимающийся преимущественно античными текстами, и потому я буду говорить о «новой филологии» в соответствующей перспективе, надеясь в меру сил поспособствовать установлению этого диалога между антиковедением и медиэвистикой. В первых двух разделах я изложу несколько общих соображений о «новой филологии» (не претендуя на существенную новизну, но полагая, что

11. Формулировку Серкилини на самом деле предвосхитил Эдуард Шварц в своем (рецензионистском и по сути своей стемматическом) издании «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Eusebius Werke. Bd. 2. Kirchengeschichte / hrsg. von E. Schwartz, T. Mommsen. T. 3. Leipzig, 1909. S. CXLVI: «В случае активно читавшихся книг [подразумевается, в т.ч. античных, как Евсевий] изготовлялись все новые и новые редакции, и даже на каждую рукопись следует смотреть как на новую редакцию»). Факторами, влиявшими на устойчивость текста античного произведения в Средние века, были, по-видимому, статус автора (Вергилия будут править с меньшей вероятностью, чем малоизвестного автора технического текста или анонима), понятность языка (заведомо непонятную «абракадабру» переписчик будет склонен переписать «по слогам, даже по буквам», но при этом он же будет склонен править текст на языке «понятном или создающем впечатление понятности»: Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Milano, 1974. P. 116, 113) и «неправильность» того же языка (вроде бы понятный, но выглядящий «неправильно» текст был обречен постоянно по-разному «выправляться» переписчиками, по крайней мере начиная

10. Ср. формулировку Серкилини (Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 62): «Эта вариативность столь общая и конститутивная, что можно, внося хаос в то, что филология старательно различает, говорить о каждой рукописи как о переработке, об [отдельной] версии»; противопоставление античных и средневековых традиций видно, например, в его же формулировке на с. 79 («Роль того, что можно назвать „сознательным вмешательством“ (которая считается ничтожной в случае древних текстов), здесь [в традиции средневековых французских текстов] огромна и просто неизмерима») или в названии пособия Мартина Уэста: West M. L. Textual Criticism... (ср. теперь также книгу Р. Тарранта: Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers: Methods and Problems in Latin Textual Criticism. Cambridge, 2016. P. 6), а в конечном счете восходит к тезису самого Гастона Париса (La vie de saint Alexis: Poème du XIe siècle... / publ. par G. Paris, L. Pannier. Paris, 1872. P. 8). Майкл Рив, обсуждая это место предисловия Париса, не соглашается с этой его идеей: Reeve M. D. Shared Innovations, Dichotomies, and Evolution // Filologia classica e filologia romanza: esperienze ecdotiche a confronto / a cura di A. Ferrari. Spoleto, 1998. P. 457 = Reeve M. D. Manuscripts and Methods: Essays on Editing and Transmission. Roma, 2011. P. 62; д'Арко Сильвио Авалле также не считает существенно различающимся с точки зрения принципов издания античные и средневековые тексты на любых языках: Avalle d'A. S. Principi di critica testuale. Padova, 1978. P. 21.

с каролингского времени). Удобная хрестоматия позднеантичных и раннесредневековых латинских текстов на особенно «неправильной» латыни, для многих из которых характерна высокая неустойчивость текста в рукописях, с введением в ситуацию с изданиями каждого из них доступна теперь в книге Джеймса Ноэла Адамса: Adams J. N. An Anthology of Informal Latin, 200 BC—AD 900: Fifty Texts with Translations and Linguistic Commentary. Cambridge, 2016. Еще одна группа особенно неустойчивых античных текстов — схолии; см.: Zetzel J. E. G. Critics, Compilers, and Commentators: An Introduction to Roman Philology, 200 BCE—800 CE. Oxford, 2018. P. 253–278. Ср. также: Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford, 1991. P. 234–237; West M. L. Textual Criticism... P. 16–17. С неустойчивостью средневековых текстов на «народных» языках сравнивают также неустойчивость текста Гомера на ранних этапах его существования, в т.ч. в письменной традиции — в т.н. «диких папирусах» (см.: Ready J. L. Orality, Textuality, and the Homeric Epics: An Interdisciplinary Study of Oral Texts, Dictated Texts, and Wild Texts. Oxford, 2019), но к Средним векам текст Гомера давно стабилизировался.

обратить внимание на некоторые детали имеет смысл), а в третьем сконцентрируюсь на одном аспекте вариативности традиции некоторых позднеантичных и раннесредневековых текстов, который, я полагаю, не получил на настоящий момент адекватного осмысления ни в одном из двух этих дискурсов.

Разговор о вариации, предложенный редакцией *Vox medii aevi*, ставит в центр ту перспективу, которую предложил в своей «Похвале варианту» (1989) Бернар Серкилини. Согласно Серкилини и его последователям, на различия в средневековых рукописях плодотворнее смотреть как на равноправные и равноценные «варианты» — подразумевается, что при этом отвергается в первую очередь перспектива стемматизма, для которой различия интересны и полезны прежде всего как «ошибки». Чтобы взвешенно обсудить вопрос о том, какой из взглядов дает исследователю больше, следует, я полагаю, обратиться скорее не к выбранному Серкилини жанру элогия, а к жанру *disputatio in utramque partem* или судебных речей в пользу каждой из судящихся сторон: в первом разделе следующего далее текста слово будет дано защите идеи «ошибки», а во второй я предложу выслушать, что на это может ответить идея «варианта». Хотя, как будет видно, я скорее симпатизирую перспективе стемматистов, я также постараюсь указать, в каких отношениях на мысль о равноправии вариантов стоит обратить внимание и читателям-антиковедам, если таковые окажутся у настоящей статьи. Третий раздел будет посвящен тому, как именно работать с «неправильностями» отдельных рукописей в традициях текстов прежде всего VI в., написанных на латыни, сильно отклоняющейся от стандарта: таким образом, я постараюсь в этом финале статьи, как и в предшествующей ее части, не ограничиваться сугубо античными примерами, но рассмотреть и конкретные случаи, которые могут заинтересовать медиевиста.

1. В защиту ошибки

Неоднократно отмечалось, что аргументация упомянутой книги Серкилини содержит множество фактических неточностей¹². Особенно слабое в этом отношении место — критика, которую Серкилини адресуется Карлу Лахману и Гастону Парису. Согласно концепции Серкилини (воспроизводимой и его последователями вроде Стивена Николза), Лахман создал не выдерживающий критики метод выстраивания текста при помощи генеалогического древа рукописей, построенного на общих ошибках (считая, что ошибки могут быть только механическими), а Гастон Парис незаконным образом применил этот метод к средневековому французскому материалу¹³.

Такая картина подразумевает прежде всего смешение двух явлений: стемматического метода вообще, часто до сих пор (особенно в Италии) не очень удачно называемого «методом Лахмана»¹⁴, и реального подхода Карла Лахмана (или скорее подходов, так как они сильно менялись от издания к изданию). Миф о том, что стемматический метод основан Лахманом, возник, по-видимому, в теоретических дискуссиях начала XX в.; критика ранних механистичных форм метода внутри стемматического дискурса XX в. стимулировала подробное изучение того, что именно в них принадлежит Лахману, и выяснилось, что даже в его знаменитом издании Лукреция 1850 г., часто считавшемся манифестом позднейшего

14. Описанием общих для этого подхода черт следует скорее считать не тексты Лахмана, а, вероятно, «Критику текста» Пауля Мааса: *Maas P. Textkritik*. Leipzig, 1960 (итоговое издание). Существует, среди прочего, подробно откомментированное итальянское издание (*Montanari E. La critica del testo secondo Paul Maas: testo e commento*. Firenze, 2003), а также русский перевод (*Маас П. Критика текста / пер. под ред. Д. О. Торшилова // Аристей. 2011. Т. 4. С. 136–173*). Рив не рекомендует пользоваться переводами, которые, как английский перевод Б. Флауэр (*Maas P. Textual Criticism*. Oxford, 1958), передают разными словами нем. *Hilfe* в одной и той же фразе во втором предложении §4 (*Reeve M. D. Eliminatio codicum descriptorum: A Methodological Problem // Editing Greek and Latin Texts / ed. by J. N. Grant. New York, 1989. P. 2 = Reeve M. D. Manuscripts and Methods... P. 145*); русский перевод по этому критерию попадает в приемлемые. После Мааса некоторые чрезмерно механистичные черты метода продолжали корректироваться: в этой области важнейший текст — книга Джорджо Паскуали «История традиции и критика текста»: *Pasquali G. Storia della tradizione...*

12. См., например: *Busby K. Variance and the Politics of Textual Criticism // Towards a Synthesis? Essays on the New Philology / ed. by K. Busby. Amsterdam, 1993. P. 29–48*; *Menzer M. Review of Cerquiglini B. In Praise of the Variant... // Bryn Mawr Review of Comparative Literature. 2001. Vol. 2. N. 2. Article 10*; *Pickens R. T. The Future of Old French Studies in America: The «Old» Philology and the Crisis of the «New» // The Future of the Middle Ages. P. 56–63*. Мне не встречались указания на следующие неточности (но я, конечно, читал не всю существующую критику в адрес Серкилини): «отыскивание и изучение „авторского экземпляра“ — не «идея Нового времени», как Серкилини пишет на с. 23, так как античные ученые уже занимались поиском и изучением «авторских копий» Вергилия (см.: *Horsfall N. Autograph MSS. of Virgil; a Note // Vergilius. 1995. Vol. 41. P. 57–59*; вероятно, они имели дело с подделками, но это не меняет сути дела); утверждение Серкилини, что «автор — это не средневековая идея» (с. 25), вряд ли корректно по крайней мере применительно к латинской культуре Средних веков, ср. особенно: *Minnis A. Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. Philadelphia, 1988; textus* (лат. «текст») — это не «пассивное причастие от *texere*», как утверждает Серкилини на с. 59, а существительное четвертого склонения (субстантивированное причастие было бы второго), образованное от основы супина указанного глагола и потому не подразумевающее на самом деле самой своей формой «коннотации фиксированности».

13. *Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 74–94*; *Nichols S. G. Introduction. P. 5–6*.

стемматического метода, на самом деле нет многих признаков стемматизма: ни визуализированного генеалогического древа, ни последовательной логики выбора рукописных чтений (Лахман опирается то на собственное описание отношений рукописей, то, по-видимому, на предложенную за несколько лет до того стемму Якоба Бернайса), ни идеи, что говорить о родстве рукописей можно только на основании общих ошибок¹⁵. Без последних двух признаков возникает сомнение, корректно ли вообще считать подход Лахмана разновидностью позднейшего стемматизма; по сути дела, в каком-то смысле Лахман не пользовался «методом Лахмана». Аккуратнее разобравшись в этой ситуации, Серкилини, конечно, не был бы так удивлен, что Лахман издавал средневековые немецкие тексты не стемматически (и даже позволял себе издавать их по одной рукописи) и что Гастон Парис, описывая свой подход во введении к «Житию св. Алексия», ни разу не упоминает Лахмана¹⁶.

Важнее, однако, что карикатурное описание метода в «Похвале варианту» не соответствует на самом деле ни реальному подходу Лахмана (самому по себе, конечно, весьма спорному, что, впрочем, очевидным образом не может быть аргументом против стемматизма в целом), ни позднейшему стемматизму. К примеру, странна идея, будто «эта филология не может себе представить... чтобы писец перед лицом сомнительного чтения мог улучшить это чтение, не говоря уже о том, чтобы реконструировать „изначальное“ чтение»¹⁷. Одной из важнейших для реального Лахмана идей было отфильтровать при изучении традиции античного памятника предложенные гуманистами улучшения текста, обычно аккумулируемые им под презрительным ярлыком *Itali* (разумеется, не без националистического подтекста). Конечно, он понимал, что это сознательные попытки улучшить текст, а не механические ошибки; претензия его была в том, что эти попытки исходят из непонимания подлинной красоты изначального текста и подменяют его другой эстетикой; если в каких-то случаях они тем не менее попадают в цель, то тем хуже, так как они могут создать у издателя ложное

15. Важнейший свод результатов изучения подхода самого Лахмана – книга Себастьяно Тимпанаро «Генезис метода Лахмана»: *Timpanaro S. La genesi del metodo del Lachmann*. Torino, 2003 (итоговое посмертное издание с полезным послесловием Элио Монтанари); доступен также английский перевод, включающий важное дополнение к тексту, не издававшееся прежде («Дополнительные материалы А»): *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method* / ed. and tr. by G. W. Most. Chicago; London, 2005. Ср. также: *Fiesoli G. La genesi del lachmannismo*. Firenze, 2000; *Orlandi G. Perché non possiamo...; Schmidt P. L. Lachmann's Method: On the History of a Misunderstanding // The Uses of Greek and Latin: Historical Essays* / ed. by A. C. Dionisotti, A. Grafton, J. Kraye. London, 1988. P. 227–236 = *Schmidt P. L. Traditio Latinitatis: Studien zur Rezeption und Überlieferung der lateinischen Literatur* / hrsg. von J. Fugmann, M. Hose, B. Zimmermann. Stuttgart, 2000. S. 11–18.

16. *Cerquiglini B. Éloge de la variante*. P. 80, 84–85.

17. *Ibid.* P. 76.

впечатление, будто перед ним систематически более близкая к изначальному тексту рукопись, в то время как речь идет лишь об отдельных совпадениях¹⁸. Стемматиста, считающего, что сознательных инноваций писцов не бывает, тоже вряд ли удастся отыскать.

Причем поиски, кто же тогда стоит у истоков стемматического метода, приводят к тому, что очень важное место принадлежит как раз Гастону Парису, который то ли одним из первых, то ли вообще первым последовательно и стройно сформулировал в упомянутом издании «Жития св. Алексия» (1872) принципы стемматизма и, в частности, идею, что постулировать общее происхождение в рамках генеалогического древа можно только на основании общих инноваций (примерно в те же годы этот принцип был сформулирован и лингвистами)¹⁹. Конечно, вряд ли Парис все придумал сам, и вряд ли позднейшие немецкие стемматисты ориентировались непосредственно на Париса: скорее ряд тенденций, приведших к формированию метода к концу XIX в., аккумулировался постепенно (наверное, прежде всего в немецкой филологии)²⁰, и эта «беременность» науки просто первый раз полноценно разрешилась в трудах Париса. Тем не менее стемматизм не привнесен в медиэвистику извне, он сформировался в ней самой в не меньшей мере, чем в классической филологии.

Следующим ключевым эпизодом в историческом мифе «новой филологии» является публикация критики Жозефа Бедье в адрес стемматизма²¹. Суть критики была в т. н. «парадоксе Бедье»: значительно бóльшая, чем можно было бы ожидать, часть описанных стемматистами традиций оказывается «двучастными», т. е. такими, что описывающая их стемма у своей верхушки разделяется на две ветви. Это наблюдение, отметим, в равной степени относится и к изданию античных текстов, и к изданию средневековых и никоим образом не касается предполагаемой специфики последних²². В итоге под сомнение ставится корректность самой процедуры, издание текста на основании стеммы оказывается просто сложно, но неубедительно обоснованным смешением чтений разных рукописей, а в качестве противоядия Бедье предлагает

18. См.: *Timpanaro S.* La genesi del metodo... P. 47 = *Timpanaro S.* The Genesis of Lachmann's Method. P. 77.

19. *Froger J.* La critique des textes et son automatization. Paris, 1968. P. 41–42; *Kenney E. J.* The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book. Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 135; *Reeve M. D.* Shared Innovations, Dichotomies...

20. См.: *Montanari E.* Postilla: «La genesi del metodo del Lachmann» e «La genesi del lachmannismo» // *Timpanaro S.* La genesi del metodo... P. 185–211.

21. Сначала в предисловии к переизданию «Лэ о тени» Жана Ренара, а потом в отдельной статье: *Renart J.* Le lai de l'ombre / publ. par J. Bédier. Paris, 1913. P. XXIII–XLV; *Bédier J.* La tradition manuscrite du Lai de l'ombre // *Romania*. 1928. Vol. 54. P. 161–196, 321–356.

22. Сам Бедье при этом пишет в конце статьи, что относит свои выводы только к средневековой французской литературной традиции (*Ibid.* P. 355), не объясняя, как это сочетается с тем, что свой «парадокс» он формулирует на основании коллекции примеров, в равной степени состоящей и из стемм текстов на народных языках, и из стемм латинских — надо думать, в т. ч. античных — текстов (*Ibid.* P. 171).

издавать текст по одной «лучшей» рукописи, внося в нее исправления только там, где она совсем не дает смысла. Результатом критики, согласно Серкилини, был триумф: статья Бедье 1928 г. «похоронила Гастона Париса», и идеи первого «имели во Франции и англо-саксонских странах полный успех»²³. Примерно в том же духе пишет и Николз²⁴, и даже критикующие «новую филологию» медиевисты²⁵.

Проблема здесь в том, что так или почти так картина выглядит в перспективе медиевистики, где тезис Бедье, действительно, привел к большой популярности изданий по одной рукописи. Но, если посмотреть на практики издания античных текстов (в т. ч. и в англоязычных странах, и во Франции), то, как я указывал выше, ситуация будет совершенно противоположной: здесь критика Бедье не вызвала практически никаких изменений, и стемматизм продолжил и до сих пор продолжает тотально доминировать²⁶. В сфере издания средневековых латинских текстов он (или по крайней мере «рецензионизм») также представлен как минимум очень хорошо²⁷ (в этой области по понятным причинам

23. *Cerquiglini B.* Éloge de la variante. P. 95, ср. также с. 98 (в прим. 46 Серкилини поясняет, что географическая оговорка нужна, чтобы обойти вопрос об итальянском «неолахманианстве», которое объясняется более фамильярным отношением итальянской культуры к собственному средневековью и потому большей готовностью сознательно вмешиваться в тексты).

24. *Nichols S. G.* Introduction: Philology... P. 7.

25. *Dembowski P. F.* Is There a New... P. 95, 102: хотя утверждение, будто «строгое следование заветам Бедье доминирует во всем поле этого занятия» (науки о тексте, textual philology), неверно, все равно сейчас в ней «никто не хочет... исправлять текст с целью восстановления недостижимого оригинала».

26. Удобный обзор того, как обстоит дело с изданием разных античных латинских текстов, доступен в виде книги «Тексты и трансмиссия» под редакцией Лейтона Рейнолдса: *Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics* / ed. by L. D. Reynolds. Oxford, 1983. В ней последовательно охвачены тексты классического периода, до Апулея, а более поздние — выборочно (в основном по принципу связи с культурой классической античности); из позднеантичных текстов с особенно нестабильной традицией попадают схолии Сервия к Вергилию, «Этимологии» Исидора Севильского, «О значении слов» Феста, «Бревиарий» Евтропия. Ситуация с некоторыми текстами немного изменилась с 1983 г., но в основном очеркам требуются только не очень существенные «апдейты», а многие из них остаются актуальными от начала до конца. Во всех случаях издательские традиции текстов исходят из стемматических предпосылок. То же касается позднеантичных текстов с нестабильной традицией, включенных в хрестоматию Адамса (*Adams J. N.* An Anthology of Informal Latin...), за исключением одного («Жития св. Евфросинии» (BHL 2722), для которого существуют только издания на основе одной рукописи). Из изданий античных латинских текстов, в основе которых явным образом лежали бы «антирецензионистские» представления, я могу вспомнить только книжку П. Клогана «Средневековая „Ахиллеида“ Стация» (*Clogan P. M.* The Medieval Achilleid of Statius. Leiden, 1968) — издание безобразное по любым стандартам (см.: *Hall J. B.* The Editing and Emendation of Medieval Latin Texts: Two Case Histories // *Studi medievali*. 1978. Vol. 19. P. 443–466). Экзотический случай «антирецензионистской» монографии, написанной филологом-классиком, — «Переписчик как автор» Лучано Канфоры: *Canfora L.* Il copista come autore. Palermo, 2002 (очередное экстравагантное (и довольно бессвязное) эссе от автора, опубликовавшего более 90 монографий за 52 года, прошедшие с выхода первой).

27. Полезные очерки актуальных ситуаций с изданием разных средневековых латинских текстов разбросаны по трудам Джованни Орланди; существует также свод «Трансмиссия средневековых латинских текстов»: *La trasmissione dei testi latini del medioevo* / a cura di P. Chiesa, L. Castaldi. Firenze, 2004–2008. По поводу изданий средневековых латинских памятников по одной рукописи (иногда с мотивировкой, отличной от бедьеристской) и дискуссий о них см.: *Orlandi G.* Perché non possiamo...

сильны связи с антиковедением)²⁸. У Серкилини при этом в подтексте описания ситуации явно прослеживается мысль, что победа теории означает ее бóльшую правоту: побеждает прогресс, все сразу не могут ошибаться (эта позиция хорошо видна в сравнении изучения текстов с изучением динозавров, о котором см. ниже). Но, если бы эта мысль была верна, то антиковеды, очевидно, должны бы были делать из той же ситуации вывод, что правы противники Бедье. Видимо, все-таки либо ошибается подавляющее большинство антиковедов, либо ошибается значительная часть медиевистов — тем более что, как мы видели, речь не шла о распознавании какой-то проблемы, свойственной средневековым текстам в большей степени, чем античным. Вопрос о бедьеризме следует рассматривать без апелляции к его победам.

Если смотреть так, то, кажется, бедьеризм не так много может сказать в свою защиту. Серьезность самого довода Бедье против стемматизма сильно преувеличена; на него вполне существуют убедительные ответы²⁹. Важнее, что решение опираться на одну рукопись, местами правя ее, в любом случае вообще не вытекает логически из самого по себе, конечно, довольно остроумного «парадокса Бедье»³⁰. Такой подход — странная альтернатива для «рецензионизма», так как выбор лучшей рукописи уже подразумевает

29. См. прежде всего статью М. Рива: *Reeve M. D. Stemmatic Method: «qualcosa che non funziona»? // The Role of the Book in Medieval Culture / ed. by P. Ganz. Turnhout, 1986. P. 57–69 = Reeve M. D. Manuscripts and Methods... P. 27–44.*

Себастьяно Тимпанаро (одна из ключевых фигур в пост-паскуалиевском развитии дискуссий о стемматическом методе), который в последнем издании «Генезиса метода Лакмана» пришел к тому, чтобы считать «парадокс Бедье» до конца так и не опровергнутым и потому заставляющим довольно скептически смотреть на стемматизм в целом, в посмертно опубликованных дополнениях к книге признает, что эта статья Рива полностью опровергает его мысль: *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method. P. 207–215.* Я не встречал попыток что-то возразить на аргументы Рива.

30. Ср.: *Timpanaro S. La genesi del metodo... P. 131 = Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method. P. 159.*

28. Иногда важные и очень качественные издания средневековых текстов и создаются филологами-классиками — см. (чтобы привести пару более новых примеров и не ограничиваться хорошо известными старыми случаями вроде изданий У. Линдсея и Р. Майнорза): *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain: An Edition and Translation of De gestis Britonum / ed. by M. D. Reeve. Woodbridge, 2007; Iohannes Sarisberiensis. Metalogicon / ed. by J. B. Hall, K. S. B. Keats-Rohan. Turnhout, 1991.* Прекрасно издано долгожданная editio princeps «Сфорциады» Франческо Филельфо: *De Keyser J. Francesco Filelfo and Francesco Sforza. Critical Edition of Filelfo's Sphortias, De Genuensium deditio, Oratio parentalis and his Polemical Exchange with Galeotto Marzio. Hildesheim; Zürich; New York, 2015* — издатель много занимался рецепцией античных текстов в ренессансной Италии и, в частности, даже рукописной традицией речи Цицерона *Pro Archia poeta*. При этом нужно отметить, что вообще вновь выходящие издания ренессансных латинских текстов как раз часто бывают очень плохи. Я опубликовал заметку *Shumilin M. Two Textual Notes on Maffeo Vegio's Antonias // Humanistica Lovaniensia. 2018. Vol. 67. P. 469–472* с указанием на то, что из двух конъектур, введенных Дж. Хэнкинсом в текст его издания «Антониады» Маффео Веджо (*Maffeo Vegio. Short Epics / ed. by M. C. J. Putnam, J. Hankins. Cambridge, 2004*), одна невозможна с грамматической и смысловой точки зрения, а другая содержит метрическую ошибку. Журнал попросил меня убрать из заметки указание на то, что Хэнкинс, насколько можно судить, также крайне неаккуратно сообщает чтения рукописей. Это первое критическое издание «Антониады», и ему явно нужна замена. Хэнкинс — главный редактор замечательной и очень важной серии «The I Tatti Renaissance Library», где и вышло это издание; к сожалению, похожие неаккуратности можно заметить и в некоторых других книгах серии, хотя многие выполнены на очень высоком уровне. Так, Крейг Каллендорф издал «Об обучении детей» Энеа Сильвио Пикколомини на основании явно некорректной *recensio*, даже при том что ограничился только узким кругом уже опубликованных чтений из всей обширной рукописной традиции произведения: *Humanist Educational Treatises / ed. by C. W. Kallendorf. Cambridge, 2002*).

некую *recensio*, только теперь по сути лишенную каких бы то ни было аргументативных инструментов³¹. Он также странная альтернатива для предполагаемого «эклектизма» восстановления архетипа по разным рукописям, так как, правя (по другим ли рукописям или по собственной догадке) текст этой единственной рукописи там, где он лишен смысла, мы получаем еще больший «эклектизм», ничем не мотивированное, в отличие от как-то обоснованной реконструкции, сшивание частей разных вариантов текста в одного произвольного «франкенштейна»³². Позиция «новой филологии» выглядит на этом фоне гораздо последовательнее, чем бедьеризм: если уж скептически смотреть на восстановление прототекста, то в центре внимания должны быть вообще любые рукописи, и именно такими, какие они есть, и с точки зрения текста, и вообще как материальный объект. Этот лозунг и стоит обсудить дальше сам по себе, вне контекста сомнительных обоснований его предыстории или успехами: насколько продуктивно «возвращение к рукописям как не просто источникам изданий, а „изначальным текстам“»³³?

Удобно будет, следуя примеру Серкилини, разобрат конкретный пример. Я возьму его из изучаемых мной «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937), написанных, видимо, в начале VI в. н.э.; это латинское произведение, но из числа крайне неустойчивых в рукописной традиции. Ниже дан более или менее точный дипломатический текст пассажа из 9 главы (AASS Febr. III 62B–C) по французской рукописи XI в. Paris, Bibliothèque nationale de France, Lat. 11884, f. 157r и по австрийской рукописи XII в. Heiligenkreuz, Stiftsbibliothek, 13, f. 92r; я старался по возможности близко к рукописи передавать границы слов, знак «|» обозначает границу строк. Курсивом выделен различающийся в двух рукописях текст. В скобках расшифровываются сокращения.

31. Cp.: *Contini G. Un anno di letteratura. Firenze, 1942. P. 129–130 = Contini G. Esercizi di lettura sopra autori contemporanei con un'appendice su testi non contemporanei. Torino, 1974. P. 369* (я не имею возможности указать страницу по первому изданию статьи: *Contini G. Ricordo di Joseph Bédier // Letteratura. 1939. Vol. 3. P. 145–152*).

32. Cp.: *Orlandi G. Studi di filologia... P. 120*.

33. *Fleischman S. Philology, Linguistics, and the Discourse of the Medieval Text // Speculum. 1990. Vol. 65. P. 25*.

Paris, Bibliothèque nationale de France, Lat. 11884	Heiligenkreuz, Stiftsbibliothek, 13
<p>Claudius dix(it) Etdu(m) baptis mu(m) p(er)cepero· delebunt(ur) om(ni)a faci nora cordis mei? Resp(ondit) gaius ep(iscopu)s· etdixit Om(ni)a lauabuntur facinora· tantu(m) tufidelit(er) crede·Eade(m) uerohora mittens sesusanna ad beatiep(iscop) igagipedes· dicens ei· D(omi)ne p(er) xp(istu)m teconiuro Netardes eumbaptizare·</p>	<p>Claudi(us) dix(it) et du(m) bapt(ismu)m p(er)cep(er) o delebunt(ur)³⁴ o(mn)ia facinora mea? Gaius ep(iscopu)c r(espondit) Delebunt(ur)·t(antu)m tu fidelit(er) crede Eade(m) u(ero) hora mitte(n)s se susanna ad pedes gatii ep(iscop)i dix(it) ei· D(omi)ne p(er) xp(istu)m te(con)iuuro ne eu(m) tardes babtizare·</p>

Не знаю, готов ли кто-то говорить о каком-либо своеобразии одной рукописи, не сравнивая ее ни с чем³⁵; какой-то текст, с которым можно было бы сравнить, все-таки, вероятно, нужен, так что, как Серкилини, сравним две рукописи между собой. Что мы сможем сказать на основании этого отрывка, если абстрагируемся от систематизации данных рукописной традиции? Наверное, что текст парижской рукописи выглядит систематически более вычурным и развернутым, чем текст австрийской. Дальше легко предположить, что либо создатель первой версии расширил и приукрасил текст, либо создатель второй версии его упростил (либо и то, и то), причем, по Серкилини, даже не имеет значения, какой из вариантов верен³⁶. Что изменится, если мы проделаем с рукописной традицией текста стемматические процедуры (я проделал это с учетом всех двенадцати известных рукописей «Страстей Сусанны» VIII–XI вв. и еще десяти из тридцати одной известной рукописи XII–XVII вв.)? Мы узнаем³⁷, (1) что основная часть вычурных и странных чтений парижской рукописи скорее всего восходит к архетипу традиции (и, добавим, скорее всего и к самому оригинальному тексту произведения); (2) что это не относится, однако, ко фразе *ad beati episcopi Gaii pedes*, которой нет параллелей в других рукописях и которая может быть собственной инновацией создателя парижской рукописи (или ее источника); (3) что особенности австрийской рукописи не специфичны именно для нее, т.е. не введены переписчиком данной рукописи, но в основном общие для нее с другими рукописями

34. Изначально написано *debunt(ur)*, *le* вписано над строкой той же рукой.

35. Ср.: *Avallé d'A. S. Principi di critica testuale*. P. 43 (когда рукопись ни с чем не сравнивается, бессмысленно вообще говорить о вариантах).

36. *Cerquiglini B. Éloge de la variante*. P. 67.

37. Я опущу здесь аргументацию, которую надеюсь опубликовать в другом месте.

т. н. «Большого австрийского легендария» (свода, созданного, вероятно, в XII в.), а также с североитальянской рукописью IX в. Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Lat. 357, т. е. восходят к общему источнику всех этих рукописей, созданному не позднее IX в.; (4) что изменение порядка слов *ne tardes eum baptizare* на *ne eum tardes baptizare* при этом зафиксировано только в «Большом австрийском легендарии».

Если можно хоть сколько-то доверять таким выводам (а по-видимому, вполне можно), то те «лица» версий текста, которые получились у нас при взгляде а-ля «новая филология», оказываются по сути дела иллюзией³⁸. К примеру, выясняется, что казавшиеся связанными и последовательными вычурные детали версии парижской рукописи имеют совершенно разное происхождение (и не факт, что переписчик, создавший фразу *ad beati episcopi Gaii pedes*, воспринимал прочие особенности этого текста как вычурные: он ведь не сравнивал его с версией австрийской рукописи). Судить по австрийской рукописи о языке (или мысли) времени ее написания также, оказывается, будет ошибкой: ее создатель явно пишет многие вещи именно так не потому, что сам так написал бы, а потому, что так было в его источнике³⁹. Парадоксальным образом, используя рукописи как источник для восстановления первоначального текста, мы, кажется, получаем возможность подойти и к индивидуальности каждой отдельной рукописи с большим уважением, чем когда мы смотрим только на эту рукопись — и подменяем ее многослойную индивидуальную природу имеющим мало связи с ее реальностью упрощением.

При чем тут вообще «ошибки», если все разночтения в нашем примере с большой вероятностью являются результатом сознательного изменения текста? Возможно, такие случаи лучше будет назвать не «ошибками», а «неверными чтениями» (но таковыми — противопоставляемыми «изначальным чтениям» — они неизбежно будут, если вообще предпринимать восстановление

38. Л. Леонарди разбирает похожие абсурдные искажения представлений о природе отдельных рукописей, получающиеся в разных «антирецензионистских» изданиях французской «Смерти Артура» из романного цикла «Ланселот-Грааль»: *Leonardi L. Romance Philology between Anachronism and Historical Truth: On Editing Medieval Vernacular Texts // Philology Matters! Essays on the Art of Reading Slowly / ed. by H. Lönroth. Leiden; Boston, 2017. P. 97–117.*

39. Это соображение на самом деле касается не только рукописей текста, но даже «изначальных текстов» произведений, если они являются переводами, компиляциями или включают в себя цитаты: о языке и содержании соответствующих мест корректно судить только в диахронической перспективе, «внутри потока текстов», т. е. сопоставляя место с источником цитаты, причем с учетом, опять же, рукописной традиции источника. Это может отлично проиллюстрировать пример из французского перевода «Исторического зеркала» Винсента из Бове, выполненного в XIV в. Жаном де Винье, разбираемый в статье Л. В. Евдокимовой: *Евдокимова Л. В. «Историческое зеркало» Жана де Винье: перевод-комментарий // Культура интерпретации до начала Нового времени / науч. ред. О. С. Воскобойников, Ю. В. Иванова. М., 2009. С. 322–323.* В пассаже, где у Винсента из Бове цитируется отрывок из «Науки поэзии» Горация о характере молодых людей, у Жана де Винье появляется неожиданная фраза *Force, vis en herbe!* «Сила, живи в траве!» Изолированное рассмотрение текста Жана де Винье и даже просто сопоставление его с источником могут создать впечатление, что это странноватое творческое добавление переводчика от себя. На самом деле, однако, это явно результат искажения гораціанской фразы *inberbis iuuenis* «безбородый юноша» в палеографически близкое *in herbis uiue uis* «сила, живи в траве». Если бы рукописная традиция «Исторического зеркала» Винсента из Бове была систематически изучена, можно было бы сказать, для какой части традиции характерна такая ошибка и какого рода рукописью пользовался Жан де Винье; но, если не ошибаюсь, на настоящий момент таких исследований никто не проводил.

изначального текста, и равноправными вариантами чтения левого и правого столбца в этом случае также никак не могут быть). Собственно «ошибки», однако, тоже реальность, и они почти неизбежно есть среди разночтений рукописей любого сколько-нибудь длинного текста: в нашем тексте это *debuntur* вместо *delebuntur* (сразу исправленное), да и в сопоставляемых Серкилини отрывках из «Персеваля» Кретъена де Труа по рукописям А и Т⁴⁰ по крайней мере пара *gente/jointe* — скорее всего результат именно ошибки, вызванной созвучием слов (хотя и сложно сказать без дополнительного исследования, что во что исказилось)⁴¹; это не продукт творческой установки на «вариативность». Ошибки важны для стемматизма не потому, что их ненавидят и избегают, как это представляет себе Серкилини — наоборот, любой стемматист будет старательно собирать их, так как они являются для него важнейшим инструментом: только на основании общих ошибок (причем даже не таких, как виденные нами, а безусловно «значимых» ошибок, т. е. чтений, которые а priori являются ошибками и при этом вряд ли могли возникнуть несколько раз независимо и едва ли могли быть успешно исправлены)⁴² можно объединять рукописи в семейства, так как согласны в «изначальном» чтении, разумеется, могут быть и вообще не родственные рукописи. Можно попробовать придумать какой-то другой термин, охватывающий «ошибки» и «неверные чтения» вместе (например «искажения», «инновации»)⁴³, но, кто хочет найти предосудительность, найдет ее где угодно⁴⁴, а термин «ошибка», наверно, вполне годится, если понимать, что видеть в нем предосудительность просто незачем.

Подразумевает ли такой систематичный подход к рукописям создание смешанного текста из элементов текста разных рукописей? Вообще да: например, в прототексте явно нужно будет реконструировать порядок слов *ad pedes Gaii episcopi*, как в рукописи из Хайлигенкройца, но при этом само написание имени взять из парижской

40. Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 65–68.

41. Ср.: Ménard P. De Chrétien de Troyes au Tristan en prose: Études sur les romans de la table ronde. Genève, 1999. P. 30. Можно также представить, что один из вариантов — «конъектура» переписчика, посчитавшего чтение переписываемого им текста ошибкой, вызванной тем же созвучием, и «исправившего» ее. Если исправляемое чтение при этом верное, то такое исправление тоже будет по-своему ошибочно (Луи Аве называл такие случаи *fautes critiques*: Havet L. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins. Paris, 1911. P. 304). Также возможно, что оба эти чтения являются искажениями какого-то похожего на них третьего.

42. Maas P. Textkritik. S. 26–30 = Maas П. Критика текста. С. 165–170; Avalle d'A. S. Principi di critica testuale. P. 44–51; Orlandi G. Errore, corruttela, innovazione // Filologia mediolatina. 2008. Vol. 15. P. 16 = Orlandi G. Scritti di filologia... P. 246.

43. Орланди предлагает использовать в качестве общего термина слово *corruttela* «искажение», а под «инновацией» понимать только результаты сознательного изменения текста (Orlandi G. Errore, corruttela, innovazione = Orlandi G. Scritti di filologia... P. 233–247), но такое употребление последнего слова (ср. также: Avalle d'A. S. Principi di critica testuale. P. 43) будет противоречить некоторым устоявшимся терминам вроде «полигенеза инноваций»: Reeve M. D. Manuscripts and Methods. Index s.v. polygenesis; Timpanaro S. La genesi del metodo... P. 149 = Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method. P. 176. О других изначально предосудительных образах из риторического репертуара критики текста, некоторыми из которых, наверно, и правда незачем продолжать пользоваться, см.: Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers. P. 30–41 et passim.

44. Серкилини, в частности, находит ее даже в осторожном термине «инновация» (Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 61).

рукописи, *Gagi* вместо *Gaii*⁴⁵. Вообще-то довольно экзотичное, в других местах этого текста оно появляется в других не близкородственных рукописях, при этом скорее всего написание *Gagi* должно было постоянно исправляться писцами на «правильное» *Gaii*, а не наоборот, и написание *Gagi* в целом правдоподобно для текста «Страстей св. Сусанны», по-видимому включавшего достаточно много субстандартных написаний, фиксируемых, как и это, в других памятниках VI в.⁴⁶ (Похожая логика объясняет удивляющий Серкилини выбор Гастоном Парисом из рукописных чтений вопреки лучшим рукописям прямого падежа *Eufemiens* (вместо *Eufemien*), подразумевается, более «правильной» формы для старофранцузского⁴⁷: дело не в том, что Парис «правит» язык, а в том, что он считает такое направление изменения — от *Eufemiens* к *Eufemien* — более правдоподобным⁴⁸.) Получающейся комбинации *ad pedes Gagi episcopi* нет ни в одной рукописи. Если реконструкция исходит из предпосылки, что в разных рукописях текст искажается по-разному и, соответственно, элементы изначального текста могут сохраняться в разных местах, то те или иные отрезки текста так или иначе будут устроены таким образом⁴⁹; если такими элементами являются не слова, а элементы слов (например, написание приставки, корня, окончания), то такая встреча зафиксированных в разных рукописях вариантов возможна и внутри одного слова, так что формально в реконструкции появляется форма, которой вообще нет в рукописях⁵⁰. Высокая концентрация такого рода форм (в т. ч. восстановленных на основании сохранившихся

50. Ср. в книге Авалле (*Avalle d'A. S. Principi di critica testuale*. P. 15–20) хороший разбор того, почему в первой строке канцоны Гвидо Гвиницелли «Al cor gentil» Дж. Контини печатает (и, согласно Авалле, и следует печатать) форму *rempaira*, которая вообще не зафиксирована в рукописях (но при этом в одной рукописи есть вариант *rimpaïra* и в нескольких есть варианты, начинающиеся на *re-*: *repara*, *repadria*, *renpadria*).

45. Орфография *Gagi* вместо *Gaii* (фиксируемая только в генитиве) подразумевает близость звуков, в которые перешли *i* между гласными и *g* перед переднеязычными гласными (условно говоря, *ǣ*): см. *Löfstedt B. Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1961. S. 160; *Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*. Bd. 3: Lautlehre. München, 1996. S. 140, 211–215.

46. Я обосновываю это решение и стоящий за ним подход подробнее в отдельной статье: *Шумилин М. В. Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937)*. Фонология и орфография // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV*. Полтом I. СПб., 2020. С. 632–661.

47. *Cerquiglini B. Éloge de la variante*. P. 91–92.

48. Ср.: *La vie de saint Alexis*. P. 46, 106. Такую логику часто называют принципом *lectio difficilior* (подразумевается *lectio difficilior praestantior / lectio difficilior potior* «Более сложное чтение предпочтительнее», смысл его в том, что писцы скорее изменяют более сложное в более простое, чем наоборот), но многие ученые указывают, что это не очень удачная в своей размытости формулировка и при чрезмерно механическом следовании ей можно прийти к тому, чтобы автоматически включать в текст все необычно выглядящие чтения, включая явные ошибки — *debuntur*, к примеру, тоже выглядит необычнее, чем *delebuntur* (см., например: *Fränkel H. Einleitung zur kritischen Ausgabe der Argonautika des Apollonios*. Göttingen, 1964. S. 139 = *Fränkel H. Testo critico e critica del testo*. Firenze, 1983. P. 37). Поэтому я стараюсь избегать термина *lectio difficilior*; но при этом с самим по себе утверждением, что (если сформулировать его осторожнее) «при отсутствии других указаний, где верное чтение, правдоподобное направление изменения — вполне работающий способ определить, как вероятнее всего следует восстанавливать текст», никто из сторонников стемматического подхода к критике текста, как кажется, не спорит.

49. *Timpanaro S. La genesi del metodo...* P. 131 = *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method*. P. 159.

только в других частях текста элементов — как написание *Gagi*, скорее всего последовательно использованное автором «Страстей Сусанны», возможно, на основании каких-нибудь соображений следовало бы восстановить даже там, где нет такого варианта в рукописях, если бы такие места были) в изданном Гастоном Парисом тексте «Жития св. Алексия» кажется Серкилини переписыванием текста под заданную норму прекрасного в своей чистоте правильного языка определенного момента прошлого (и этот идеализированный язык, по Серкилини, мыслится при этом как «регулярный и гомогенный») ⁵¹ — работой филологического «Прокруста» ⁵². Так ли ужасен в действительности произвол Париса?

Не являясь специалистом по старофранцузскому языку, я не буду оценивать конкретные его решения ⁵³; если какие-то из них неверны и он злоупотребил заявленным методом, это все равно не аргумент против метода самого по себе. Плох ли его реконструирующий подход в принципе? Ведь критика Серкилини, связывающего идентифицируемые им в издании Париса проблемы именно с самим подходом, подразумевает, кажется, именно это. Я полагаю, это зависит от того, чего мы ждем от издания Париса или подобного ему. За риторикой «новой филологии» вообще стоит смешение разных смыслов понятия «произведение». Если рукопись «Жития Алексия» — это не в меньшей степени «Житие Алексия», чем стемматическое издание «Жития Алексия», то по крайней мере они являются «Житием Алексия» в совершенно разных смыслах ⁵⁴. Если смотреть на стемматическое издание

54. Чезаре Серпе (Segre C. La critica testuale // Atti del XIV Congresso Internazionale di Linguistica e Filologia Romanza. Vol. I / curato da A. Várvaro. Napoli; Amsterdam, 1978. P. 494) менее осторожным образом говорит о «подсознательном отождествлении текста и рукописи» в бедьеристском дискурсе. Мэттью Дрисколл (Driscoll M. J. The Words on the Page. P. 93–95) вводит в дискурс «новой филологии» различие «произведения» (*work* — объект «рецензионистского» издания), «текста» (*text* — объект бедьеристского издания) и «артефакта»

(*artefact* — объект интереса «новой филологии»). «Текст» в этой модели, как кажется, определен не очень понятным образом (что это все-таки такое?), а оппозиция «произведения» и «артефакта» снимает обсуждаемую мной проблему, но одновременно лишает «новую филологию» собственно текстологических амбиций, по сути оставляя за ней только «материальную филологию»: ведь она вообще не занимается «произведением», только «артефактами» (это, впрочем, не совсем соответствует подходу самого автора статьи).

51. Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 91.

52. «Господин Прокруст, филолог» называется глава книги Серкилини, посвященная «рецензионизму».

53. Насколько я понимаю, у романистов (включая и сторонников стемматизма) принято считать, что Гастон Парис в издании «Жития Алексия» злоупотребил восстановлением форм в одних местах на основе других мест, доведенным фактически до воссоздания для памятника унифицированного языка (как, скажем, если бы я на основании рукописного написания *Gagi* исправил по всему тексту написание *Jesus* на *Gesus* вопреки всем рукописям), причем само это его восстановление языка ныне лингвистически устарело: Contini G. Breviario di ecdotica. Milano; Napoli, 1986. P. 39–41 (я не имею возможности указать страницы подразумеваемого раздела по первому изданию статьи: Contini G. Filologia // Enciclopedia del novecento. Vol. II. Roma, 1977. P. 954–972); Chiarini G. Prospettive translachsmaniane dell'ecdotica // Ecdotica e testi ispanici. Verona, 1982. P. 47; Storey C. An Annotated Bibliography and Guide to Alexis Studies (La vie de saint Alexis). Geneva, 1987. P. 17. Разумеется, было бы странно с моей стороны спорить с этой оценкой самой по себе; отмечу только, что она совсем не тождественна тезису Серкилини, будто Парис руководствовался представлением о гомогенной регулярности языка «до грехопадения»: условно говоря, речь об использовании (наверное, чрезмерном) допущения о симметрии для реконструкции утраченных фрагментов, а не о провозглашении симметрии критерием успешности реконструкции.

«Жития Алексия» как на издание текста рукописи («вот что написал в своей рукописи автор»), оно, конечно, неизбежно окажется слабым и фантастичным, но оно просто таковым не является, оно является *реконструкцией* изначального текста произведения⁵⁵; точно так же издание, воспроизводящее текст какой-нибудь рукописи «Жития Алексия», хорошо как текст «Жития Алексия» *в этом смысле*, но восстановлением изначального текста произведения оно просто не является. Аргументация Серкилини производит впечатление, что он не понимает, что такое «реконструкция», и приписывает Парису попытку выдать печатаемый текст за гарантированно написанное автором⁵⁶. Парис смотрел на это иначе:

«Критика текста ставит целью восстановить, насколько возможно, форму, которую произведение, ставшее объектом критики текста, имело в момент выхода из рук автора. Этой цели она никогда не достигает полностью: она подходит к ней ближе или дальше в зависимости от того, насколько благоприятны условия, в которых она осуществляется... Сравнение нескольких рукописей, происходящих из общего источника, как правило, позволит познакомиться с самим этим источником в случае, когда он утерян (это не следует понимать буквально, в особенности когда речь идет о переименованных версиях вернакулярных текстов [*renouvellements*]); сравнение таковых позволит чаще всего догадаться об *архаичности* того, что они захотели устранить, но только в очень редких случаях укажет, как восстановить саму архаичную деталь»⁵⁷.

Конечно, мое предположение, что *Gagi* — изначальная форма, может быть ошибочным, но, если предпринимать реконструкцию, хоть какое-то предположение в этом случае придется сделать, более надежное или менее надежное; Парис также сознает всю условность реконструкций утраченных рукописями архаичных форм, но считает, что какое-то предположение сделать надо, а правдоподобнее всего сделать вот такое (нам сейчас не так важно, прав ли он в самом этом выборе предположения или ошибается). То, что мы получаем, — реконструкция, в которой заведомо много

55. Не совсем корректно и распространенное описание реконструкции как «вмешательства» (intervention) в текст (например: Solopova E., Lee S. D. Key Concepts in Medieval Literature. Basingstoke; New York, 2007. P. 271): чтобы было вмешательство, нужно, чтобы было во что вмешиваться; видимо, роль жертвы вмешательства приписывается рукописному тексту, но «рецензионистская» реконструкция — не текст какой-то одной рукописи с изменениями; наверное, можно на нее смотреть как на текст всех используемых рукописей плюс дополнительные изменения, но сводный «текст всех используемых рукописей» (т.н. «парадосис») — уже реконструкция. Скажем, реконструкция латинского языка VI в. до н.э. на основании скудного эпиграфического материала этого времени и косвенных указаний позднейших свидетельств (плюс сопоставления с другими родственными языками) — ни в каком смысле не «вмешательство» в эти свидетельства или их язык (или в сопоставляемые языки).

56. Ср.: Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 85: парисовская «критика текста» претендует на «восстановление буквы оригинальной поэмы». Авалле (Avalle d'A. S. Principi di critica testuale. P. 82–84) указывает, что этот дефект был присущ уже аргументации Бедье.

57. La vie de saint Alexis. P. 8, 10 (курсив Г. Париса).

предположений. Значит ли это, что от нее нет поэтому никакой пользы? Как мы видели при разборе текста рукописей «Страстей св. Сусанны», не значит. Значит ли это, что таким реконструкциям совершенно нельзя доверять и в них нет ничего хоть сколько-то надежного? Как мы видели, эти слухи тоже сильно преувеличены (если реконструкция Париса плоха, это не значит, что стемматической реконструкции как таковой нечего возразить на аргументы о ее принципиальной ненадежности вроде «парадокса Бедье»; есть множество примеров практически безусловно верных стемм). Важно просто понимать, что это реконструкция.

Показательна очень неудачная аналогия, которую Серкилини проводит между стемматизмом Париса и изучением динозавров (она даже дала название главе книги Серкилини «Гастон Парис и динозавры»). Сперва он пишет, что восстановление архетипа по многим рукописям похоже на «кривого и уродливого диплодока, нарисованного каким-то безумным ученым»⁵⁸. Имеются в виду, очевидно, ранние реконструкции внешности диплодока наподобие реконструкции Оливера Хэя, которые сегодня могут показаться смешными. Непонятно, однако, почему устаревание реконструкций (и замена их другими) должно служить аргументом против создания реконструкций вообще. Далее Серкилини сравнивает подход Париса с «теорией катастроф» Кювье и попытками восстанавливать предположительно неизменяемый облик утраченных видов по ископаемым останкам, а подход Бедье — с эволюционизмом Ламарка⁵⁹. Если аналогию между восстановлением архетипа по сохранившимся рукописям и реконструкцией облика животного по фрагментам окаменевших костей еще можно понять, то увидеть что-то общее во второй паре непросто. Параллель, как выясняется, в том, что Бедье, по Серкилини, ввел представление о родственных отношениях между рукописями, похожих на эволюционные, — стемматические идеи родства рукописей при этом «не считаются», так как они смотрят на переписывание изначального текста как на его катастрофическую утерю и на родство как на деградацию, в то время как Бедье видит в нем адаптацию.

58. *Cerquiglini B. Éloge de la variante. P. 77.*

59. *Ibid. P. 99–100.*

Подразумевается, конечно, что бедьеризм современнее и прогрессивнее, так как взгляды Кювье, разумеется, выглядят устаревшими, а те или иные формы эволюционизма доминируют и сейчас. Не углубляясь в вопросы о том, корректно ли передаются при этом взгляды Бедье (обращение к «лучшей рукописи» вообще подразумевает, что есть и худшие, причем ими оказываются обычно как раз более поздние)⁶⁰ и работает ли аналогия (я бы сказал, что на катастрофический разрыв больше похожа непроходимая граница, проводимая Бедье между сохранившимися рукописями и архетипом, в то время как именно стемматическая перспектива, как мы видели, позволяет смотреть на рукописи в контексте непрерывного потока изменяющихся форм)⁶¹, отметим прежде всего, что современные версии эволюционизма интегрируют в него генетику, в которой изменения, прежде так или иначе представляемых адаптаций, вызываются мутациями, и один важный механизм возникновения мутаций даже описывается как «ошибки (errors) при репликации ДНК»⁶². Это вообще гораздо больше похоже на стемматизм, в котором, конечно, тоже можно говорить об определенных механизмах адаптации инноваций (например, в виденном нами примере ошибка *debuntur* не смогла «адаптироваться»). Если уж представлять себе аналогию для позиции Серкилини из области биологии, ей должно было бы быть странное направление, запрещающее реконструировать облик и анатомию вымерших видов, как и конкретные родственные отношения между существующими видами — кажется, в таком подходе будет мало связи с современной наукой.

Идея «прогрессивности», погони за соответствием «современной науке» вообще является для «новой филологии» постоянным объектом obsessions; сам знаменитый номер журнала «Speculum», посвященный «новой филологии», начинается со слов Стивена

60. Строго говоря, в издании «Лэ о тени» 1913 г. (Renart J. Le lai de l'ombre. P. XLV) Бедье пишет об использовании «одной хорошей рукописи» (un bon manuscrit), и похожим образом он выражается и в статье 1928 г. (Bédier J. La tradition manuscrite...), но это не меняет сути дела: если есть «хорошая» рукопись, есть, очевидно, и «плохие», и выбор среди «хороших» все равно некоторым образом выделяет среди них одну. В издании «Песни о Роланде» (La chanson de Roland / publ. par J. Bédier. Paris, 1922) Бедье при этом не скупится на суперлативные выражения по отношению к выбранной для издания рукописи Oxford, Bodleian Library. Digby 23 («самая красивая» версия, с. I; «уникальная» рукопись, с. XI), и ср. особенно формулировки на с. V: «Без сомнений — и по этому вопросу все согласны — эти переработки [refaçons; речь о позднейших версиях „Песни о Роланде“], эти скверные переделки [malfaçons] выглядят на фоне оксфордского текста жалко. Какими бы надуманными и деградировавшими [dégradées] они ни были», и т.д. Приписав Бедье собственные взгляды, Серкилини, конечно, обозначил, что, хваля Бедье, он на самом деле хвалит собственный подход.

61. Дж. Орланди (Orlandi G. Scritti di filologia... P. 127) возражает на похожую идею Пола Шармаха (Szarmach P. E. Introduction. P. 2), будто восстановление изначального текста похоже на парменидовскую неизменяемость мира, а использование текста рукописей в духе «новой филологии» — на гераклитовский образ вечно текучего мира. Орланди указывает, что на самом деле все наоборот, и именно реконструкция отношений рукописей позволяет посмотреть на рукопись в ее связи с потоком меняющихся версий текста, в то время как вырванная из потока и изолированная рукопись (как это происходит при отказе от систематического изучения традиции) больше похожа на парадоксальную реальность философии элеатов — я бы даже сказал, на перетекающие друг в друга положения стрелы в парадоксе Зенона. Гераклит, впрочем, вряд ли хоть в каком-то смысле «прогрессивнее» элеатов.

62. См., например: Griffiths A. J. F., Wessler S. R., Carroll S. B., Doebley J. Introduction to Genetic Analysis. New York, 2015. P. 588.

Николза, что «медиевистская филология маргинализована современными когнитивными методологиями»⁶³. Зигфрид Венцель пишет в том же номере, что «филологов часто представляют работающими в блаженном неведении о таких понятиях, как структурализм, герменевтический круг или неопределенность, в которых видна значительно более тонкая сознательность по поводу всего процесса познания и отражаются глубокие сомнения, резко противопоставляющие современного человека его предшественникам XIX века»⁶⁴; «новая филология» призвана исправить эту ситуацию. Но, как кажется, «герменевтический круг» и достижения теории познания при этом тоже поняты очень странно: если невозможно смотреть на объект исследования без того, чтобы твой взгляд уже был заранее нагружен некой теорией, то каким образом отсюда может следовать, что нужно запретить теории и пытаться смотреть очищенным от теории взглядом (на самом деле все равно неизбежно теоретически нагружая его)?⁶⁵ Разве не правильнее просто сознательно относиться к теоретической нагруженности своего взгляда и налагаемым ею ограничениям (а мы видели, что даже Гастон Парис относился к ним вполне сознательно)?

«Новая филология» — конечно, порождение постструктурализма (и характерным образом отдает предпочтение дискретному перед цельным) и попадает в ту же логическую ловушку, что и многие другие порожденные постструктурализмом научные направления, которые критикуют предшественников за позитивистскую уверенность в правоте и при этом объявляют себя вершиной прогресса, отменяющей все альтернативы. Как часто бывает, при этом проливается интересный свет на некоторые стороны предмета, но исключаются другие; вероятно, продуктивнее всего, соответственно, обращать в «новой филологии» внимание на позитивные предложения (изучение каждой рукописи как таковой), но при этом просто забыть о ее «антирецензионистском» содержании: на самом деле оно для нее совершенно лишнее. (Не смотря на сохранение апелляций к книге Серкилини, смягченные варианты «новой филологии», являющиеся ответом

63. Nichols S. G. Introduction. P. 1.

64. Wenzel S. Reflections on (New) Philology // *Speculum*. 1990. Vol. 65. P. 12–13.

65. Ср.: *Leonardi L. Romance Philology*... P. 102–103.

на критику в ее адрес, часто и занимают примерно такую позицию, предполагающую сосуществование более или менее традиционных критических изданий произведений с исследованиями рукописей как индивидов⁶⁶.) Я позволю себе закончить раздел цитатой из Джованни Орланди, хорошо формулирующей эту мысль о необходимости поместить изучение творческой стороны деятельности писцов в такую перспективу, где оно не будет закрывать глаза на информацию, которую может дать ей «рецензионизм»:

«Все это [изучение рукописей произведений самих по себе] замечательно, но при одном условии: что отдельный момент этого процесса [процесса трансмиссии, рукописной передачи текста], т.е. отдельная рукопись, не окажется изолирован, но будет рассматриваться именно как момент процесса... Достаточно уже было болтовни об абстрактности и скрытой идеологии (платонизирующей, надо полагать) проекта *constitutio textus*, о Тексте как чистом унифицирующем идеале, за которым охотятся, чтобы похитить произведение у его вечного становления. На это следует ответить, что нет ничего более абстрактного, бесплотного и неподвижного, чем единичная рукопись, вырванная из истории. И снова поместить ее в исторический процесс в реальности значит, хотим мы того или нет, вернуться также и к оригиналу»⁶⁷.

2. В защиту варианта

Наш судебный процесс перевернулся, и теперь, кажется, уже варианту следует защищаться от обвинений. Есть ли ему что сказать? Некоторые ученые полагают, что нет и что «новая филология» и в целом не интересна вообще ничем⁶⁸. В этом разделе я постараюсь показать, что это все же не так и что идея равноправных вариантов все же может быть полезна, в т.ч. и при работе с античными текстами, которых я обещал также коснуться и на примере которых удобнее говорить о стемматическом мейнстриме.

66. Nichols S. G. *Philology and Its Discontents*. P. 117, 121: «Я не утверждаю здесь превосходства вносимых писцами изменений над критическим текстом... Если издание текста пытается локализовать текст посреди потока, то рукописная матрица фокусируется на агентах потока как тоже производящих смыслы. Две цели ортогональны на практике, но не непременно антагонистичны»; Driscoll M. J. *The Words on the Page*.

67. Orlandi G. *Scritti di filologia...* P. 120.

68. Например, П. Менар: *Ménard P. Réflexions sur la 'nouvelle philologie'*.

В этом мейнстриме на самом деле в последние десятилетия наблюдаются тенденции, имеющие при всех отличиях нечто общее с пафосом «новой филологии»; это развитие не очень хорошо отрефлектировано, и я постараюсь вкратце описать его. Одной из вещей, в которых Серкилини обвинял традиционные филологические подходы, было стремление зафиксировать текст произведения в виде некоего монолита, скрыв его реальную подвижность. В предыдущем разделе я попытался показать, что видеть такую монолитизацию в любой реконструкции оригинального текста произведения — это, вероятно, подмена понятий. Тем не менее нельзя сказать, чтобы тезис Серкилини не описывал никакую реальность и подмена монолитом «стандартного текста» гораздо менее устойчивой и однозначной реальности гипотетического восстановления изначального вида произведения никогда не происходила. Более того, издания текстов, стремившиеся создать впечатление полной завершенности работы над ними и отсутствия перспективных проблем для дальнейшего исследования, даже преобладали в середине и второй половине XX в., и более далекие от текстологии ученые часто представляют себе издания древних текстов как таковые именно по ним. Критический аппарат в них обычно содержал очень мало информации о том, какие места текста менее надежны, чем другие, и текст таких изданий, часто не смотря на не самое высокое качество проделанной над ним работы, легко становился «вульгатой», переключивая в почти не отличающиеся деривативные издания⁶⁹.

В последние несколько десятилетий ситуация стала меняться, прежде всего в англоязычной науке (важным поворотным моментом в этом процессе, кажется, стал «перезапуск» гарвардской серии «Loeb Classical Library Джорджем Гулдом в 1970-е — 1990-е гг.»)⁷⁰. Можно выделить два основных направления отхода от прежней модели.

С одной стороны, текст часто «дестабилизируют» активным обращением к конъектуральной работе (т.е. к исправлениям текста «по догадке»), как собственной, так и к предшествующей традиции дискуссий о том, что в тексте может

69. Ср. наблюдения Авалле: *Avalle d'A. S. Principi di critica testuale*. P. 5. Надо отметить, что дигитализация, на которую «новая филология» возлагает большие надежды еще со времен книги Серкилини, сыграла в этом развитии в конце XX — начале XXI в. весьма негативную роль: в электронных корпусах текстов и в онлайн-репозиториях практически любое произведение существует обычно как просто один раз данный «текст с определенным артиклем», не только без вариантов, но вообще без хоть какого-то указания на его реальную неустойчивость (эту проблему предрекал еще А. Варваро: *Varvaro A. La «New Philology» nella prospettiva italiana // Alte und neue Philologie*. S. 41–42 = *Varvaro A. The «New Philology» from an Italian Perspective // Text*. 1999. Vol. 12. P. 57; ср. также: *Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers*. P. 149–151).

70. Сегодня предпочтение «дестабилизирующим» текст изданиям явным образом также отдают такие авторитетные серии изданий античных памятников, как британские «Oxford Classical Texts», «Cambridge Classical Texts and Commentaries», немецкая «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana».

быть ненадежно (для статусных античных текстов эта традиция часто очень обширна, так как в XVII–XVIII вв. придумывание конъектур превратилось в своеобразный спорт для ученых, выживший и в новых условиях XIX в.; разумеется, делалось и много сомнительных предложений, но среди прочих в этой деятельности участвовало довольно много весьма тонких знатоков латыни, к мнению которых безусловно стоит прислушиваться)⁷¹. Изучению рукописей при этом часто придается меньшее значение: подразумевается, что сильно больше информации об изначальном тексте, чем предшествующие (стемматические, конечно) исследования, это изучение все равно не даст и можно в целом опираться на *recensio* предшественников. Важным фактором в популярности этого подхода стал, по-видимому, культовый статус британского текстолога начала XX в. А. Э. Хаусмена. Хаусмен подходил к изданию текстов похожим образом: для него были характерны ограниченная, хотя и аккуратно стемматическая, работа с рукописями, сильный акцент на «суждении» издателя, достаточно большая свобода конъектуральной правки и живое обсуждение решений в критическом аппарате⁷². Из важных ученых, практиковавших более или менее такой подход в конце XX — начале XXI в., можно назвать, скажем, Дэвида Роя Шейклтона Бейли, Уильяма Смита Уотта⁷³.

⁷³. Я не решился составить такой же список живых ныне ученых, выделив из них важнейших, но пример такого списка можно найти в книге Р. Тарранта: *Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers*. P. 22 (эта книга — не пособие по критике текста, а попытка описать те же тенденции, о которых говорю я в настоящем разделе, но совсем иным способом — любопытным, но, по-моему, натянутым). Показательна необычная своим жанром книга Джан Бьяджо Конте «*Ope ingenii*» (*Conte G. B. Ope ingenii: Experiences of Textual Criticism*. Berlin; Boston, 2013): в отличие от большинства книг о критике текста, в ней вообще не уделяется никакого места общим принципам и проблемам *recensio*, но вместо этого книга представляет собой разбор ряда классических конъектуральных решений; автор книги только в последние полтора десятилетия обратился к активным занятиям критикой текста, подготовив для «тойбнеровской» серии важное — в какой-то степени тоже «дестабилизирующее» — издание поэм Вергилия, до того же был известен прежде всего как ключевая фигура в пизанской школе антиковедческого литературоведения, наиболее тесно из всей континентальной Европы взаимодействующей с англоязычной классической филологией.

⁷¹. Отсюда формирование (или скорее возрождение) некоторыми из современных ученых своеобразного культа отдельных авторитетных текстологов XVII–XVIII вв.: британца Ричарда Бентли (1662–1742) в случае Д. Р. Шейклтона Бейли, голландца Николая Гейнзия Старшего (1620–1681) в случае Р. Тарранта и Дж. Б. Холла (Гейнзий также в какой-то степени близок обоим по своему подходу к нестемматической *protorecensio* рукописей).

⁷². О Хаусмене как текстологе в целом см. прежде всего: А. Е. Housman: *Classical Scholar* / ed. by D. J. Butterfield, C. Stray. London, 2009. На русский язык из научных трудов Хаусмена переведена статья «О приложении разума к текстологии»: Хаусмен А. Э. О приложении разума к текстологии / пер. В. В. Зельченко // *Древний мир и мы*. Вып. 2. СПб., 2000. С. 99–115. К дискуссии предыдущего раздела имеет некоторое отношение периодически повторяющаяся в предисловиях Хаусмена критика предпочтения издателями чтений «лучшей рукописи» (речь не о бедьеризме, а о стремлении противопоставить в рамках двучастной стеммы «лучшую» ветвь — часто представленную (либо фактически репрезентируемую издателями) только одной рукописью — «худшей» ветви и следовать в сложных местах первой; тем не менее критика этого подхода, наверно, не совсем нерелевантна и в обсуждении родственного по своей природе бедьеризма); я приведу один пассаж, позволяющий составить представление о притягательном обаянии хаусменовской риторики (*Manilii Astromicon liber primus* / recens. et enarr. A. E. Housman. Cambridge, 1937. P. XXXI): «Не способный к суждению издатель, постоянно оказываясь перед парой рукописей, между которыми нужно выбрать, не может не чувствовать всеми фибрами своей души, что он — осел между двумя стогами сена. Что ему делать в этой ситуации? Оставить критику критикам, вы могли бы сказать, и заняться любым добрым делом, для которого он не столь негоден. Но он предпочитает более лгьящее ему решение: он ошибочно полагает, что, если убрать один из стогов, он перестанет быть ослом».

С другой стороны, постепенно получил развитие лозунг Джорджо Паскуали *Recentiores, non deteriores*. Его смысл был в том, чтобы отказаться от доминировавшего в конце XIX в. и начале XX в. подхода, когда поздние рукописи (*codices recentiores*) автоматически (без обоснования) приравнивались к *codices deteriores* «худшим рукописям» и оставались за кадром исследования рукописной традиции⁷⁴. До сих пор распространены идеи, что изучение поздних списков там, где они плохо изучены, вряд ли даст много нового (в том смысле, что вряд ли какие-то из них окажутся имеющими доступ к чтениям архетипа традиции, независимый от сохранившихся ранних рукописей); Ричард Таррант, один из важных проponentов описываемого подхода, отвечает, что это «утверждение, типичное той самоуверенностью, с которой издатели объявляют ничтожной вероятностью нахождения того, что они решили не искать»⁷⁵. Ярчайшую иллюстрацию осмысленности подхода приводит Майкл Рив, также крупнейший специалист по поздним рукописям античных авторов и при этом прекрасный теоретик критики текста (редкое и потому достойное особенного внимания сочетание): в числе погибших в ходе Второй мировой войны рукописей оказалась никем на тот момент так и не исследованная хранившаяся в Туре рукопись Цицерона XV в.⁷⁶, которая по косвенным признакам оказывается теперь, по-видимому, чуть ли не лучшей из доживших до XX в. рукописей как минимум речи «В защиту Клеонция»⁷⁷, — если бы не предубеждение против поздних рукописей, у нас, возможно, были бы хотя бы коляции (т.е. систематические выписки чтений) этого манускрипта. Не изучая поздние традиции сейчас, мы рискуем дожидаться новых потерь такого же рода в области потенциально доступного знания — разве что-то страхует нас от них?⁷⁸

Хотя на первый взгляд он и не похож на предыдущий, этот подход также «дестабилизирует» устоявшийся текст и позволяет постоянно указывать на его слабые места. Существует, разумеется, много вариантов комбинаций двух описанных тенденций. Для нас в данном случае важна еще одна общая черта обоих подходов: реабилитация чтений, которые

74. Даже Маас еще цитировал в ответ на упреки Паскуали в последней версии своей «Критики текста» со ссылкой на голландского эллиниста XIX в. К. Г. Кобе глупейшую, вообще говоря, шутку по поводу поздних рукописей *Comburendi, non conferendi* «Жечь их нужно, а не собирать» (*Maas P. Textkritik. S. 32 = Maas П. Критика текста. С. 172; цитата, похоже, на самом деле не принадлежит Кобе, возможно, ее придумал сам Маас, причем еще и построив саму фразу по образцу паскуалиевского Recentiores, non deteriores: Carlini A. 'Recentiores, non deteriores', 'Comburendi, non conferendi' // ΜΟΥΣΑ: Scritti in onore di G. Morelli. Bologna, 1997. P. 2–9).*

75. *Tarrant R. J. A New Critical Edition of Horace // Latin Literature and Its Transmission / ed. by R. Hunter and S. P. Oakley. Cambridge, 2016. P. 295.*

76. Tours, Bibliothèque municipale, 867.

77. *Reeve M. D. Some Applications of Pasquali's «criterio geografico» to 15th-Century Latin Manuscripts // Le strade del testo / a cura di G. Cavallo. Bari, 1987. P. 7–8 = Reeve M. D. Manuscripts and Methods... P. 226–227.*

78. Из ярких современных представителей критики текста с акцентом на изучении поздних рукописей следует, кроме упомянутых, назвать по крайней мере Дж. Б. Холла и Стивена Оукли; последний, к слову, сейчас занимается поэзией жившего в VI в. Присциана (другие позднеантичные тексты также иногда становятся объектом изучения упоминаемых в этом разделе латинистов: Клавдиан в случае Холла, «Латинская антология» в случае Шейклтона Бейли и Уотта, Вегетий в случае Рива, Псевдо-Порфирион и «Диктис Критский» в случае того же Оукли).

ранее оказывались изгнанными из изданий (какова бы ни была природа этих чтений). Причем у конъектур и чтений поздних рукописей есть даже точки соприкосновения. Для добросовестной текстологической работы с произведением сейчас, по сути дела, нужен полный свод предлагавшихся к нему конъектур (вместе со ссылками на места, где опубликованы обосновывающие конъектуры аргументы). Для некоторых авторов такие своды публикуются в виде отдельных книг или сайтов (под названиями вроде «тезаурус конъектур» или «реперторий конъектур»), в случае, если такой свод не опубликован, я бы рекомендовал изучающему текст ученому составлять его самостоятельно. Тот факт, что таких сводов публикуется ограниченное количество, однако, явно связан среди прочего с тем, что сложно определить границы относящихся к ним чтений. К примеру, должны ли сюда попадать особые чтения ранних изданий (для античных авторов это часто инкунабулы)? Традиция XVII–XVIII вв. обычно рассматривала их как конъектуры, и по крайней мере иногда это явно справедливо; в то же время новейшие исследования текста классических авторов в инкунабулах показывают, что, хотя последние и обладают некоторой спецификой, по сути дела они мало чем отличаются в смысле работы с текстом от поздних рукописей⁷⁹; действительно, на самом деле рукописи, и даже не только поздние, явным образом могут содержать в себе не только возможно дошедшие от изначального текста верные чтения (то, что прежде всего интересует исследователей их как *recentiores, non deteriores*), но и конъектуры, не обязательно плохие, уж по крайней мере точно не обязательно хуже конъектур ранних издателей. По-хорошему идеальный «тезаурус конъектур» должен учитывать и такие рукописные чтения — что, конечно, очень трудоемко.

В этой ситуации, возможно, имеет смысл сделать еще один шаг в направлении развития издательских практик и задать следующий вопрос: какие вообще чтения рукописей *не* должны интересовать ученого-«рецензиста»? Это совсем не праздный вопрос, так как весь «рецензионизм» по сути строится на идее поиска в рукописях информации, релевантной

79. См., например: *Hall J. B. Previous Editions and Discussions // P. Papinius Statius: Thebaid and Achilleid / ed. by J. B. Hall. Vol. III. Cambridge, 2008. P. 41–116; Oakley S. P. The editio princeps of Priscian's Periegesis and Its Relatives // Latin Literature... P. 263–290.*

для восстановления изначального текста, и отфильтровывания информации нерелевантной; местом для *возможно релевантной* служит аппарат, но любой издатель старается выделить хоть какую-то точно нерелевантную информацию, которую можно исключить из аппарата; иначе аппарат превращается в ту фактически непригодную для использования «хаотичную грудку»⁸⁰ неразличаемых чтений, которую можно увидеть в некоторых изданиях античных авторов начала XIX в.⁸¹ и от которой и старались уйти ученые вроде Лахмана. Итак, если не касаться вопроса орфографических вариантов, чем вообще может оказаться чтение рукописи в тех местах, где вообще есть разночтения?

1. Чтением, дошедшим в рамках трансмиссии от архетипа. Поиск именно таких чтений, особенно необычных, и является основной целью изучения поздних рукописей в стемматической перспективе. Очевидно, если чтение может оказаться таким, его не следует устранять из аппарата («элиминировать»).

2. Конъектурой (ее часто, конечно, сложно отличить от намеренной стилистической правки вроде той, что мы видели выше). В той перспективе, о которой шла речь выше, получается, что такое чтение также в принципе следует оставлять в аппарате, с пояснением, что оно не относится к первой группе: ведь любые конъектуры помогают увидеть, где текст может быть спорным (увидеть это не так просто, потому что мы всегда склонны считать правильным тот текст произведения, с которым познакомились первым, глаз «замыливается», и нам оказывается трудно увидеть, где с текстом, возможно, что-то не так). К тому же, конъектура может оказаться верной.

3. Собственно ошибкой, совершенной ниже архетипа. Такие чтения — пожалуй, главный кандидат на удаление из аппарата после того, как использованы для построения стеммы. Тем не менее, если систематическое изучение традиции не является безусловно завершенным (например, возможно, что найдутся новые рукописи), исключать такие чтения будет значить лишать ученых будущего возможности вписать в стемму новую рукопись, не проделывая всю работу по

80. Такая формулировка (я упростил ее в переводе, на самом деле речь о цитате из «Метаморфоз» Овидия, описывающей хаос, из которого возник мир) периодически встречается у ученых XIX в. при характеристике критических аппаратов изданий первой половины столетия; например: *Isocratis Opera omnia* / recens. E. Drerup. Vol. I. Lipsiae, 1906. P. CLXXXI; *Heine O. De Ciceronis Tusculanis disputationibus*. Halis Saxonom, 1854. P. 1; *Liber Estherae Graece* / ed. O. F. Fritzsche. Turici, 1848. P. 3; похожую риторику можно найти, например, и в предисловиях легендарного немецкого эллиниста Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа: *Aristophanes. Lysistrate* / erkl. von U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berlin, 1927. S. 62 Anm. 1; *Bucolic Graeci* / recens. et emend. V. de Wilamowitz-Moellendorff. Oxonii, 1910. P. viii.

81. Например, в издании Лукана под редакцией Г. Кортте и К. Ф. Вебера: *Marci Annaei Lucani Pharsalia / editionem morte Cortii interruptam absolvit Carol. Frider. Weber*. Lipsiae, 1828–1829; ср. также аналогичные примеры в книге Дж. Уиллиса: *Willis J. Latin Textual Criticism*. Urbana; Chicago; London, 1972. P. 43; современные образцы (в выдержках) такого рода нечитаемых аппаратов, как созданных ради примера, так и реальных, можно найти в книге Тарранта: *Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers*. P. 128–131.

описанию рукописей заново. Это касается и тех явных ошибок, которые зафиксированы только в одной рукописи: они могут найтись также в новой рукописи, или, к примеру, их наличие в старой рукописи может указывать, что новая не происходит от нее.

Получается, если довести аргументацию до предела, вообще нет таких чтений, которые очевидным образом можно было бы игнорировать в издании. Конечно, реальный критический аппарат не позволит включить в себя сразу все, или им невозможно будет пользоваться; следует включать в него только явно ценную информацию: например, из конъектур только те, которые издатель считает скорее удачными. Но есть много дополнительных возможностей — второй аппарат в приложении к книге или выложенный отдельно от нее онлайн⁸², специальное издание с развернутой информацией о чтениях рукописей (наверно, это можно назвать «некритическим аппаратом») параллельно с изданиями с отобранным (собственно критическим) аппаратом и т.д.⁸³ Издателю текста следует изучать каждую рукопись как целое.

На эти соображения можно возразить, что они не вполне уместны, так как речь в них все равно идет только об утилитарном изучении рукописи, изучении, подчиненном цели восстановления первоначального текста; так как разночтения при этом все равно, как я писал выше, будут рассматриваться как пары «ошибка — верное чтение», а не как равноправные варианты. Здесь, однако, нужно сделать пояснение. Чтения можно разбить на ошибки и верные чтения только уже в ходе работы над текстом. Я же говорю в этом разделе о необходимости учитывать все чтения еще до того, как приняты решения о верности хоть каких-то чтений; о том, что некорректно отбрасывать чтения еще до того, как их хоть кто-то увидел, только из-за датировки рукописи, а также еще в ходе работы по определению, какие чтения верны, какие ошибочны (а аппарат — это то место, где эта работа должна совершаться; если она уже бесповоротно завершена, то останется только текст, которому уже не нужен аппарат). В этот момент чтения еще нельзя считать ошибками или верными

82. Можно, например, отметить из изданий античных произведений замечательный сайт Д. Кисса с собранием вариантов для текста Катулла, www.catullusonline.org: репродукции рукописей на сайте тоже есть, но, к сожалению, в меньшем количестве, чем хотелось бы; но настоящий критический текст с выборочным аппаратом при пользовании этим сайтом все равно нужен. В качестве средневекового текста, для которого существует сайт с полным собранием репродукций рукописей, можно назвать упоминавшийся выше агиографический свод «Большого австрийского легендария»: ср. замечательный проект <http://mla.dingbat.at>. При этом для этого свода не существует ничего даже отдаленно похожего на критическое издание (хотя есть попытки описать отношения между рукописями: *Ó Riain D. The Magnum Legendarium Austriacum: A New Investigation of One of Medieval Europe's Richest Hagiographical Collections // Analecta Bollandiana. 2015. Vol. 133. P. 87–165*), так что непонятно, как этот сайт мог бы использовать кто-то, кроме самостоятельно работающих над критическим изданием ученых, если не в форме чтения по одной случайной рукописи (чем это плохо, я обсуждал выше) — маловероятно, что просто желающие познакомиться с текстом исследователи будут находить в себе силы на более серьезную работу по сверке разных текстов.

83. Серкилини критикует критический аппарат как таковой (*Cerquiglino B. Éloge de la variante. P. 105–116*), но разобранный им пример из аппарата Э. Фараля, конечно, не исчерпывает всех возможностей отображения чтений.

чтениями; это тот момент, когда и в стемматической перспективе все чтения, действительно, могут считаться только равноправными вариантами. «Всякое свидетельство о тексте [т. е. в т. ч. всякая рукопись] имеет право на колляцию», — формулирует Рив менее радикальный вариант этого тезиса⁸⁴.

Что же касается утилитарности: чем дальше мы пытаемся редуцировать используемую информацию о рукописях, тем больше становится понятно, что это постоянно приводит к ошибкам даже с «утилитарной» точки зрения⁸⁵. Может быть, лучше вообще отказаться от этих попыток? Может быть, модель работы с рукописями в принципе должна иметь две составляющие: как адекватное изучение рукописи в качестве индивидуального объекта, мы видели, требует также установления ее места в системе всех рукописей в целом, так и для корректного систематического описания отношений рукописей и восстановления изначального текста требуется подойти к рукописи не просто как к источнику добычи для собирателя чтений, а именно как к имеющему независимую ценность и представляющему самостоятельный интерес индивидуальному объекту, даже в т. ч. в материальном смысле физического целого вместе со всеми своими паратекстами, иллюстрациями, расположением текста на странице и т. д.⁸⁶ — т. е., в конечном счете, просто не «утилитарно»?

⁸⁶. Один пример, иллюстрирующий, почему материальная сторона рукописи может иметь значение и для стемматической реконструкции: если бы Джордж Гулд видел, что несколько приписываемых Вергилию строк, сохранившихся только в комментарии Сервия, в большинстве рукописей записываются как проза, а не судил о них только по отдельным чтениям, выписанным в аппаратах изданий, то он не написал бы, что «сложно представить», с чего вдруг в этом тексте переписчики стали бы менять порядок слов, нарушая при этом размер (*Goold G. P. Servius and the Helen Episode // Harvard Studies in Classical Philology. 1970. Vol. 74. P. 143*). На самом деле скорее всего именно такое изменение и было внесено каким-то переписчиком, и причиной было то, что он читал текст как прозу, а не как стихи; писец рукописи «Метаморфоз» Овидия Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 36.4 (XIII в.) (или, с меньшей вероятностью, писец какой-то рукописи, от которой зависит эта), к примеру, вводит такие изменения на каждом шагу, даже при том что у него текст записан стихами: очевидно, он все равно читал гекзаметр как прозу. Чаще всего не учитываемые стемматистами элементы вроде схолиев и других паратекстов, расположения текста на странице, деления его на разделы, даже иллюстраций также могут помочь установить отношения между рукописями (ср. *Reeve M. D. Eliminatio codicum descriptorum... = Reeve M. D. Manuscripts and Methods... P. 145–174*); в свою очередь, если для этих элементов найдены «родственники» в других рукописях и установлено отношение к ним, это может помочь лучше понять, как именно работает их адаптация в рассматриваемой рукописи.

⁸⁴. *Reeve M. D. Reconstructing Archetypes: A New Proposal and an Old Fallacy // Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M. L. West / ed. by P. J. Finglass, C. Collard, N. J. Richardson. Oxford, 2007. P. 331 = Reeve M. D. Manuscripts and Methods... P. 123.*

⁸⁵. Случай из области изданий, вообще целенаправленно «дестабилизирующих» текст широким охватом поздних рукописей, о котором, если не ошибаюсь, в таком свете так никто и не писал: Ричард Таррант в своем знаменитом издании «Метаморфоз» Овидия (*P. Ovidi Nasonis Metamorphoses / recogn. R. J. Tarrant. Oxonii, 2004*) чаще всего не указывает, в каких именно поздних рукописях фиксируется чтение, но использует вместо этого сиглы φ в значении «не менее трех рукописей XII в. (а также неопределенное число более поздних рукописей)», χ в значении «не менее одной рукописи XIII в. (а также неопределенное число более поздних рукописей)» и ψ в значении «любое число рукописей XIV–XV вв.». Вроде бы большой массив рукописей таким образом учтен, но чем такая обезличивающая рукописи запись принципиально отличается от, скажем, пренебрежительной записи «поздние рукописи» в старых изданиях, под которой без разбора оказывались свалены чтения, в точном происхождении которых издатель ленился разбираться? Как использовать такую запись последующим ученым для чего бы то ни было, кроме того, чтобы узнать, что такое чтение вообще существует? Сейчас Таррант готовит новое издание Горация и собирается воспроизвести там эту неудачную практику (*Tarrant R. J. A New Critical Edition... P. 295*) — правда, размышляя при этом о возможности опубликовать более подробную информацию о чтениях изученных рукописей на прилагающемся к изданию сайте (*Ibid. P. 319*; ср. его соображения о цифровых изданиях в теоретической монографии: *Tarrant R. J. Texts, Editors, and Readers. P. 153–156*); будем надеяться, эта последняя идея не будет отброшена.

Как медиевистам стоит учитывать, чем им могут быть полезны идеи антиковедов, так и антиковедам не стоит пренебрегать тем, чему можно научиться у медиевистов.

3. «Плохой язык»

Напоследок я вкратце коснусь проблемы, для решения которой, я полагаю, может быть полезна перспектива настоящей статьи: проблемы того, как работать с позднеантичными текстами, для рукописной традиции которых характерно большое число элементов «плохой латыни» — *un latino troppo roso corretto*, как выразился Джорджо Паскуали⁸⁷. Как определять, какие из этих элементов, особенно из орфографических «неправильностей», легко вводившихся по крайней мере до каролингскими писцами, восходят к оригинальному тексту, а какие — введены в текст ранними переписчиками? Как работать с теми и другими при издании текста?

Существует два основных подхода к этому вопросу, и в связи с рядом текстов (Уставом св. Бенедикта, «Историей» Григория Турского) по этому поводу идут весьма оживленные дискуссии. Первый подход хорошо известен по принципам серии «Scriptores» в «Monumenta Germaniae Historica» (где и был издан Григорий Турский сначала Вильгельмом Арндтом в 1885 г., а затем Бруно Крушем и Вильгельмом Левисоном в 1951 г.), а применение его к уставу св. Бенедикта было санкционировано классической работой Людвиг Траубе⁸⁸. В основе подхода лежит представление о том, что изначально более или менее «неклассическая» по своему языку ткань текстов подвергалась (прежде всего в каролингское и посткаролингское время) постоянной «нормализации», так что сохраняющиеся, пусть даже в небольшом количестве рукописей, «неправильные» формы следует считать вероятно восходящими к оригинальному тексту и оставлять в тексте издания. Иногда этот подход называют «аномалистским».

У этого подхода, однако, уже очень рано появились критики⁸⁹; идея, что подход издания Круша-Левисона к орфографии Григория Турского следует пересмотреть, стала особенно

87. Pasquali G. Storia della tradizione... P. 153.

88. Traube L. Textgeschichte der Regula S. Benedicti. München, 1898. Траубе также был связан с «Monumenta Germaniae Historica». Интересно также, что проповедуемый им (новаторский для XIX в.) подход к рукописям был во многом похож на тот, который предлагаю я в настоящей статье; см.: Merisalo O. Ludwig Traube and Philology // Philology Matters! P. 182–196 (на с. 196 исследовательница сопоставляет подход Траубе с «новой филологией», но «антирецензионистом» он, разумеется, не был). Также на похожем на мой не утилитаристском подходе к рукописям внутри «рецензионистской» перспективы настаивает (по крайней мере, применительно к французским chansons de geste) Чезаре Серпе: Segre C. La critica testuale.

89. В частности, уже Вильгельм Мейер писал, что Григорий Турский не мог писать так «плохо», как выходит в издании Арндта, и потому «неправильности» внесены писцами: Meyer W. Der Gelegenheitsdichter Venantius Fortunatus. Berlin, 1901. S. 19.

популярной после статьи Клауса Цельцера⁹⁰, и ее подерживал в частности и упоминавшийся выше идеолог стемматизма Джованни Орланди⁹¹. Цельцер и Орланди рассматривали, в частности, возможность основывать орфографию на одной рукописи (Montecassino, Archivio dell'Abbazia, 275, = A1 в сиглах Круша, рукопись XI в. с классической, в целом, орфографией), совершенно в духе бедьеризма (при том что не орфографические вопросы предлагается решать на основе стеммы). В случае устава св. Бенедикта предложенная Траубе реконструкция истории текста (важная для обоснования его подхода к орфографии) была в ряде своих деталей поставлена под сомнение при активном участии того же Цельцера⁹², у которого получается еще более похожая на ситуацию с Григорием Турским модель описания традиции, и в итоге Роберт Коулман также выдвинул гипотезу, что орфографические аномалии рукописей не восходят к оригинальному тексту Бенедикта Нурсийского; он предложил издавать этот текст с искусственным восстановлением классической орфографии⁹³. И в связи с Григорием Турским, и в связи с Бенедиктом иногда говорят о «языке рукописей», противопоставляя его языку автора⁹⁴; Коулман предложил даже отображать языковые аномалии рукописей в аппарате именно для изучения их собственного языка отдельно от восстановления авторского текста. При этом в изучении традиций некоторых других текстов примерно того же времени «аномалистские» подходы продолжают преобладать⁹⁵.

Я полагаю, что существование в этом действительно очень сложном вопросе таких разных позиций — на самом деле результат некоторого недопонимания самой природы стемматической реконструкции, возникшего у некоторых ученых. Конечно, есть случаи, когда нет никакой надежды хоть в каком-то приближении восстановить авторскую орфографию, и от этого

90. Zelzer K. Zur Frage des Autors der *Miracula b. Andreae Apostoli* und zur Sprache des Gregor von Tours // *Grazer Beiträge*. 1977. Bd. 6. S. 217–241.

91. Orlandi G. Un dilemma editoriale: ortografia e morfologia nelle *Historiae* di Gregorio di Tours // *Filologia mediolatina*. 1996. Vol. 3. P. 35–71 = Orlandi G. *Scritti di filologia...* P. 251–282; ср. также, например: Bourgain P. *The Works of Gregory of Tours: Manuscripts, Language, and Style* // *A Companion to Gregory of Tours* / ed. by A. C. Murray. Leiden; Boston, 2016. P. 141–190; Haverling G. V. M. *On Variation in Syntax and Morphology in Late Latin Texts* // *Latin vulgaire – latin tardif VIII* / ed. by R. Wright. Hildesheim; Zurich; New York, 2008. P. 351–360. Попытки заменить издание Круша-Левисона новым изданием, в меньшей степени следующим орфографии рукописей, предпринимались дважды (Р. Бухнером в 1955 г. и К. Хильхенбахом в 2009 г.), но оба раза результат носил компромиссный характер. Хильхенбах издал только IV книгу «Истории» и пересмотрел стемму Круша.

92. См. библиографию в книге М. Клоссена (Claussen M. A. *The Reform of the Frankish Church: Chrodegang of Metz and the Regula canonicorum in the Eighth Century*. Cambridge, 2004. P. 150 n. 109) и обобщающий очерк в статье Цельцера (Zelzer K. *Regulae monachorum* (3. *Regula Benedicti*) // *La trasmissione dei testi...* Vol. 1. P. 364–393).

93. Coleman R. *Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti* // *Latin vulgaire – latin tardif V* / ed. by H. Petersmann, R. Kettmann. Heidelberg, 1999. P. 345–356; ср. также статью К. Цельцера и М. Цельцер (Zelzer K., Zelzer M. *Weiteres zu Textproblemen der Regula Magistri* // *Wiener Studien*. 2007. Bd. 120. S. 245–246), где предлагается аналогичный подход к «*Regula magistri*», «Правилу учителя», еще одному тексту VI в.

94. Adams J. N. *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge, 2013. P. 428; Coleman R. *Vulgarism and Normalization...*

95. См., например: Adams J. N. *The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle* (Anonymus Valesianus II). London, 1976 (о «Втором анониме Валезия», VI в.); Galdi G. *Some Remarks on the Language of the Itinerarium Antonini Placentini* // *Listy filologické*. 2015. Vol. 138. P. 41–63 (об «Итинерарии Антонина Плацентинского», VI в.).

следует совсем отказаться — так, в частности, получается со многими классическими авторами. Тем не менее в работе с вот такими поздними текстами этот скептицизм, на мой взгляд, неуместен и в целом следует вернуться к «аномалистским» принципам Траубе (пусть и без его стеммы) и Круша (пусть некоторые конкретные его решения нужно уточнить, так как они, по-видимому, действительно бывают очень непоследовательны)⁹⁶. Только так мы сможем плодотворно и осмысленно учесть орфографические вариации рукописей, не изолируя их от исторического процесса трансмиссии.

Рассмотрим основные группы аргументов против «аномализма».

1. Григорий Турский и Бенедикт Нурсийский были образованными людьми и потому не могли писать иначе, как в классической орфографии. Это, конечно, произвольный тезис, основанный на грубом сведении истории поздней латыни к черно-белым, не предполагающим промежуточных тонов бинарным оппозициям (элитарная латынь vs «народная» латынь⁹⁷, еще не подвергшаяся «упадку» латынь VI в. vs уже безнадежно «павшая» латынь VII в.) и приводящий именно к тому переписыванию текста памятника на искусственно приписанном ему языке, в котором Серкилини обвинял «рецензистов». Что касается Григория, то он прямо признается, что допускает «неправильности» в роде существительных и управлении предлогов⁹⁸; почему мы должны предполагать, что при этом он безупречен в том, что касается орфографии?

2. Орланди также видит проблему в том, что в орфографии рукописей часто совпадают формы, которые вообще Григорий явно различает (например, в единственном числе имен второго склонения взаимозаменяемы окончание датива и аблатива -o и окончание аккузатива, а в среднем роде и номинатива -it,

⁹⁶. Проблема редко упоминается в теоретических дискуссиях о критическом методе, но Мартин Уэст также рекомендовал в таких случаях «аномалистский» подход: West M. L. *Textual Criticism*... P. 70: «С поздними или вульгарными текстами связаны другие трудности: часто невозможно отличить варваризмы переписчиков от варваризмов оригинала. В этой ситуации, чем накладывать на текст последовательную систему, которая может быть выбрана только скорее произвольно, лучше следовать парадоксу — не строя иллюзии, будто на него хоть сколько-то можно полагаться, но в качестве наиболее уместного способа его представить».

⁹⁷. Дж. Адамс (*Adams J. N. Social Variation*...), обсуждая такой упрощенный подход, сопоставляет его с многоуровневой и учитывающей множество параметров социальной стратификацией, используемой Уильямом Лабовым в его исследовании социолектов Нью-Йорка, классической работе по социолингвистике (последнее издание: *Labov W. The Social Stratification of English in the New York City*. Cambridge, 2006). Конечно, мы вряд ли смогли бы восстановить такую же систему для какого-то из древних обществ, но предполагать, что между языком Бозция и языком какой-нибудь из «табличек Альбертини» не было промежуточных вариантов, вряд ли будет правильно.

⁹⁸. Liber in gloria confessorum, praef., p. 297.24–25, p. 298.2–5 Krusch: *Sed timeo, ne, cum scribere coepero, quia sum sine litteris rhetoricis et arte grammatica, dicaturque mihi a litteratis: '...nomina discernere nescis; saepius pro masculinis feminea, pro femineis neutra et pro neutra masculina conmutas... ipsas quoque praepositiones, quas nobilium dictatorum observari sanxit auctoritas, loco debito plerumque non locas. Nam ablativis accusativa et rursus accusativis ablativa praeposis'* («Но я боюсь, как бы, когда я начну писать, не сказали мне грамотные люди, так как я обделен риторической ученостью и знанием грамматики: „...Ты путаешь существительные: часто ты ставишь их в женском роде вместо мужского, в среднем вместо женского и в мужском вместо среднего... и даже сами предлоги, следя за употреблением которых нас обязывает авторитет славных писателей, ты чаще всего ставишь не там, где надо: в частности, ты ставишь перед аблативами те, которые управляют аккузативом, и перед аккузативами те, которые управляют аблативом“»).

которые действительно не должны были различаться фонетически, при том что различавшиеся фонетически окончания тех же падежей, например, во мн. числе того же склонения, никогда не путаются). Это, конечно, очень слабый аргумент: если носитель современного русского языка напишет «он пятиться», то это совершенно не значит, что он функционально смешивает третье лицо единственного числа настоящего времени и инфинитив (и что он напишет, допустим, «он красться» вместо «он крадется»). Язык вполне способен справляться с омонимией.

Орланди также указывает, что такая орфография затрудняет синтаксическую интерпретацию некоторых фраз, что, он полагает, не могло соответствовать намерениям Григория (например, во фразе *salubrae effectu indulgeat*, p. 15.11 Krusch-Levison, выражение *salubrae effectu* в орфографии рукописей может быть как аккумулятивом, так и аблативом, и то, и то осмысленно)⁹⁹. Но такие синтаксические двусмысленности характерны и для языка классической римской поэзии, даже там, где строгое соблюдение классической орфографии не поможет (скажем, в строке 2.121 «Энеиды» Вергилия в выражении *cui fata parent* форма *fata* может с примерно равной убедительностью быть истолкована и как аккумулятив, «кому они готовят смерть», и как номинатив, «кому судьба строит козни», и античные комментаторы тоже, по-видимому, обсуждают обе версии). Почему мы исключаем возможность, что Григорий считал допустимыми и даже возвышенными конструкции, подобные этой намеренной затрудненности вергилиевского текста, даже если они порождены омонимиями, еще не существовавшими в языке Вергилия?

3. В случае «Истории» Григория у Круша получается на первый взгляд эклектичный текст, в разной степени «аномальный» в разных своих частях. Семейство рукописей В, которому Круш отдавал предпочтение, характеризуется аномалиями, но при этом содержит сокращенный текст произведения. Некоторые части текста, отсутствующие в тексте семейства В, приходится восстанавливать по более «правильным» рукописям. Опять же, этот аргумент (похожий,

⁹⁹ Orlandi G. Scritti di filologia... P. 269.

в свою очередь, на обвинения, например, Гастона Париса в эклектизме) работает, только если считать, что издатель претендует на точное воссоздание того, что написал автор; реконструкция, в которой возможные аномальные чтения предположительно восстанавливаются только на тех «островках», где о них сохранилась информация (ср. утраченные «архаизмы», о которых пишет Парис), а применительно к остальному тексту при этом просто не подразумевается, что хоть что-то известно об орфографии, не представляет никаких проблем для читателя, понимающего, что ей нужно пользоваться как такой реконструкцией¹⁰⁰. Круш вполне сознавал этот момент и прямо предупреждает о нем читателей¹⁰¹.

4. Для обоих текстов сохранились докаролингские рукописи; но в тех случаях, когда для какого-то места сохранилось несколько таких рукописей (в случае Григория Турского) или одна докаролингская и несколько раннекаролингских рукописей (в случае Бенедикта), аномалии в них в значительной степени не совпадают. Это, вероятно, наиболее сильно воздействующий на ученых аргумент, особенно в случае Григория Турского. Конечно, он также говорит о том, что перед нами снова случай «нестабильного» текста, каждая рукописная версия которого по крайней мере с орфографической точки зрения представляет собой новую «редакцию». Несогласие каролингских рукописей в аномалиях на самом деле малоинтересно с точки зрения вопроса о корректности «аномалистского» подхода, так как для таких рукописей (по-видимому, даже для ранних) характерна высокая степень нормализации языка: там, где аномалия присутствует только в одной рукописи, можно предположить, что все другие просто «поправили» ее. Интереснее случаи, когда такие же несовпадения имеют место между разными докаролингскими рукописями (это прежде всего небольшой отрезок текста Григория Турского, присутствующий во фрагменте A2 в сиглах Круша, Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Reg. lat. 689bis., f. 322–325 +

100. Может быть, наглядной параллелью будет ситуация с изданием «Книги чудес света», записанной Рустикелло да Пиза со слов Марко Поло, где наиболее близкая по языку к изначальному франко-венецианскому тексту версия, F, содержит сокращенный текст, а некоторые пропущенные в нем детали сохранились только в переводных версиях – латинской Z, венецианской V и итальянской R. Неужели и в этом случае от (местами вынужденно только содержательной) реконструкции изначального текста следует требовать языковой однородности? И на каком тогда языке? Наверное, такую реконструкцию в этом случае вообще сложно представить в виде единого текста, так что это произведение как никакое другое подходит для гипертекстового онлайн-издания наподобие того, которое недавно подготовил коллектив ученых из венецианского университета Ка Фоскари: <http://virgo.unive.it/ecf-workflow/books/Ramuisio/main/index.html>.

101. *Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X* / curaverunt B. Krusch et W. Levison. Hannoverae, 1951. P. XXXV: «В этой неоднородности текста не следует видеть нечто восходящее к воле автора, но следует видеть волю выпавшей на долю традиции судьбы». Орланди (*Orlandi G. Scritti di filologia...* P. 256) делает из этой фразы вывод, что в остальном в своем «аномалистском» тексте Круш видит «волю автора», а не результат деятельности переписчиков. Как кажется, это неверная интерпретация и Круш тоже, как и Гастон Парис, достаточно осторожен, чтобы видеть в своем тексте только попытку восстановить то, что имеет больше всего шансов быть ближе к изначальному тексту Григория; ср.: *Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum* / ed. W. Arndt. Hannoverae, 1885. P. 912. В составленном Крушем орфографическом индексе к изданию Арндта указывается, что «точно» восходят к Григорию написания, которые фиксируются одновременно и в «Истории», и в других произведениях Григория, традиция которых независима; корректен или нет этот тезис, он подразумевает, что в большинстве случаев Круш не считает восстановление орфографии Григория «точным».

København, Det Kongelige Bibliotek, Ny Kgl. Saml. 1878, f. U 8 + Leiden, Universiteitsbibliotheek, BPL 21, f. 1–2) или между докарolingской рукописью и предположительно восходящими к докарolingскому времени аномалиями карolingских. Но, даже если считать, что докарolingские раннесредневековые переписчики никогда не нормализуют, а карolingские никогда не вводят новые аномалии¹⁰², это по сути дела говорит нам только о том, что часть сохраненных традицией аномалий введена докарolingскими переписчиками — что в общем было понятно и без того. Из того, что на участках текста, где у нас есть вот такие дополнительные источники информации, написаний, в которых согласны докарolingские свидетельства о тексте, будет меньше (но на самом деле все равно не ноль), совсем не следует, что остальные части текста следует каким-то образом унифицировать в отношении степени «аномальности» с этими — по сути дела, это та же ситуация, что описана выше в третьем пункте.

5. Ситуация с изданием текстов Григория Великого, современника Григория Турского, схожа и при этом вроде бы указывает на высокую степень «правильности» орфографии изначального текста. Здесь также много ранних рукописей и текст в них орфографически нестабилен, но последнее время издатели произведений Григория Великого отошли от «аномализма» и восстанавливают классическую орфографию, в основном, видимо, под влиянием тезиса о том, что рукопись *Troyes, Bibliothèque municipale, 504* (содержащая «Пастырское правило») является авторской копией Григория Великого¹⁰³. Основной текст этой рукописи содержит некоторое (сравнительно небольшое) количество «неправильных» орфографических форм, часть которых затем исправлена (наряду с некоторыми механическими ошибками) второй рукой, датируемой также временем ок. 600 г. и приписываемой либо какому-то секретарю Григория, либо даже самому Григорию¹⁰⁴. Некоторые «неправильности» при этом оставлены без исправлений: например, *grauidine* исправлено на *grauedine*, но не исправлены такие формы, как *delitiscendo*, *auriunt*, *brebitate*. Подразумевается, что можно примерно

102. На самом деле это скорее всего неверная посылка. Даже особенно славные введением «неправильностей» мерovingские переписчики, по-видимому, могли в отдельных случаях принимать и нормализующие решения (такую трактовку поведения докарolingских писцов подразумевала уже теория Траубе): как указывает Орланди, у них явно было некоторое представление о правильности определенных форм, не позволявшее им, к примеру, передавать окончание ряда падежей второго склонения, звучавшее как закрытое о, при помощи не имеющей соответствия в окончаниях классической латыни записи -om, но только при помощи известных по классической орфографии записей -o и -um (*Orlandi G. Scritti di filologia... P. 271*). Точно так же карolingские переписчики, видимо, могли наряду с исправлением «неправильных» форм вводить в отдельных случаях и «неправильности», похожие на характерные для докарolingских переписчиков (ср. среди собранных П. Штоцем примеров на каждую «неправильность» те, которые относятся к рукописям собственно карolingских текстов, вообще не имевших докарolingской рукописной традиции: *Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache...*).

103. См., например: *Lowe E. A. Codices Latini antiquiores: A Palaeographical Guide to Latin Manuscripts Prior to the Ninth Century. Part 6. Oxford, 1953. P. 40.*

104. См., например: *Clement R. W. Two Contemporary Gregorian Editions of Pope Gregory the Great's Regula pastoralis in Troyes ms. 504 // Scriptorium. 1985. Vol. 39. P. 89–97.*

таким образом представить себе и работу Григория Турского: текст надиктовывается допускающему отклонения от классической нормы орфографии писцу, а затем сверяется восстанавливающим классическую норму автором или секретарем (причем последующие писцы сами решают, правленную или не правленную версию переписывать, так что текст изначально восходит сразу к двум «редакциям») ¹⁰⁵; таким образом, воля автора — сделать орфографию классической, и так и надо издавать текст. Сама по себе аналогия, может быть, правдоподобна, но вывод, отметим, вряд ли таким уж очевидным образом из нее следует. Если даже перед нами авторская копия, неужели следует исправлять оставленные корректором формы на *hauriunt* и *breuitate*, исходя из предположения, что Григорий Великий *хотел бы* так исправить (но почему-то не исправил)? ¹⁰⁶ А если не следует, то из такой модели как раз не вытекает, что аномалии рукописей заведомо не восходят к изначальному тексту ¹⁰⁷; наоборот, получается, что среди орфографических вариантов ранних рукописей Григория Турского скорее всего скрываются восходящие к (не исправленным) чтениям его авторского экземпляра. Должны ли мы игнорировать эту информацию (разумеется, весьма ценную для истории латинского языка в VI в.)? Можно сказать, что ситуация с Григорием Великим предполагает меньшую интенсивность аномалий, чем получается у «аномалистских» издателей Григория Турского, но к этому тезису (опять же основанному на путанице между реконструкцией наиболее вероятных чтений и попыткой точно воссоздать именно тот текст, который написан автором) тоже будет много вопросов:

107. Интересно задаться вопросом, насколько хорошо сохраняются орфографические «неправильности» рукописи из Труа в других ранних рукописях «Пастырского правила», если считать, что рукопись из Труа и правда архетип. Я сверил ряд таких мест с написанной англо-саксонским унциалом рукописью VIII в. Paris, Bibliothèque nationale de France, Lat. 9561, судя по ним, в целом «неправильности» рукописи из Труа сохраняются довольно неплохо, хотя есть случаи, когда они оказываются устранены, и есть, конечно, случаи новых «неправильностей».

105. Предположение о том, что в основе традиций многих средневековых произведений может быть сразу несколько изначальных текстов (или даже оставивших рукописное потомство авторских редакций), часто служит обоснованием для «антирецензионистских» подходов (в частности, и Бедье в итоге пришел к тезису о существовании нескольких авторских редакций «Лэ о тени»). Во многих случаях идея о сохранении следов нескольких авторских редакций не получает достаточного обоснования. Может быть, точнее будет сказать, что уже изначальный текст «Пастырского правила» устроен так же, как и переменчивые версии переписчиков, и не отделен от них непроходимой пропастью. А если авторский текст включен в неотделимый от него континуум правок, то этот континуум следует в рамках реконструкции считать частью изначального текста — вот что примерно я пытаюсь сказать в этом разделе.

106. Ср. также: Zelzer K., Zelzer M. *Weiteres zu Textproblemen...* S. 245: в случае «Правил учителя» «орфография точно не входила» в «намерения автора». Если так ставить вопрос, можно спросить: а при издании эпиграфических памятников в «неклассической» орфографии следует ли считать, что орфография «входила в намерения автора», и он допустил каждую аномалию специально? А если нет, то что же, нужно нормализовать даже орфографию надписей? Как кажется, это тот случай, когда навязываемое «рецензионистской» перспективой понятие «намерений автора» явно мало уместно — орфография не всегда продумывается пишущими, но от этого не становится какой-то не имеющей отношения к памятнику шелухой реальности, подлежащей удалению.

должны ли языки двух Григориев непременно быть одинаковыми?¹⁰⁸ Будет ли полностью очищенное от аномалий издание такого рода текста «ближе» к сохранившемуся некоторое, но не очень большое количество «неправильностей» изначальному тексту, чем издание, восстанавливающее аномалии везде, где есть указания рукописей на их возможное присутствие в изначальном тексте? Как вообще можно измерить эту большую или меньшую «близость»?

Я полагаю, что в итоге на ситуацию с «неправильными» формами в рукописях Григория Турского и Бенедикта Нурсийского продуктивнее всего смотреть как на частный случай вариантов в нестабильной традиции, отличающийся только тем, что нестабильность еще сильнее, и сложно установить вероятное направление изменения (если я правильно понимаю, в этом смысле ситуация в особенности похожа на то, с чем мы сталкиваемся в традициях средневековых романских поэтических произведений — в большей степени, чем обычно бывает в традициях латинских произведений). Отказ от реконструкции орфографии и замена ее на классическую или восстановление орфографии по одной безусловно нормализованной рукописи — вряд ли удачные решения: первое подразумевает просто произвольное переписывание текста, пренебрегающее всей информацией рукописных версий об орфографии¹⁰⁹, а второе — не менее абсурдный эклектизм, чем в бедьеристских изданиях¹¹⁰. Конечно, Коулман прав в том, что орфографические варианты рукописей следует отображать в издании (они в любом случае обладают огромным интересом для историков

110. Как реализовать это решение, тоже непонятно: что при этом делать с написанием слов, которых в этой рукописи вообще нет, если в целом текст восстанавливается стемматически, т.е. хотя бы частично не по ней? (Справедливости ради следует сказать, что похожие практики иногда применяются, ср., например, концепцию *copy-text* У. У. Грегга в новистике, но нюансы вроде стемматической базы для текста могут существенно влиять на смысл и рациональность этой процедуры.)

108. Было бы интересно собрать статистику о том, какова густота «неправильных» форм в мерovingских рукописях Григория Турского и относящихся к тому же времени рукописях Григория Великого, а также более ранних авторов, от которых скорее следует ожидать классической орфографии. Как кажется, таких подсчетов не делалось; интуитивно я бы предположил, что в рукописях Григория Турского аномалий значительно больше.

109. Во многом еще и непонятно, как вообще последовательно реализовывать оба решения на практике (поэтому, наверное, так и не существует точно следующих им изданий). Что касается первого варианта, то в случае Григория Турского удаление орфографических аномалий трудно совместить с сохранением тех «неправильностей», которые признает за собой сам Григорий, так как во многих случаях невозможно определить, первое перед нами или второе: например, во фразе *sine regis praesentiam*, р. 182.7 Krusch-Levison (сохраняемой в таком виде и в издании Хильхенбаха), *praesentiam* может быть «неправильно» записанным аблативом с гиперкорректным *-m*, но может быть и «неправильно» поставленным после предлога *sine* аккузативом. Если каждый раз принимать решение, что здесь более вероятно (скажем, смотреть, есть ли у Григория случаи употребления этого предлога с безусловными случаями аккузатива), то весь получающийся текст будет очень причудливым интеллектуальным упражнением: ситуация будет вынуждать издателя постоянно дополнительными усилиями интерпретировать синтаксис там, где нет оснований для однозначной его интерпретации. С Уставом Бенедикта возникнет схожая ситуация: хотя в этом случае нет прямых высказываний автора о каких-то аспектах языка, все равно придется решать, следует ли вместе с орфографией нормализовать и морфологию, и синтаксис (также во многом «неклассические» и переплетенные с орфографией и друг с другом), а если да, то где предел этой нормализации синтаксиса — установить его, я думаю, будет сложно, так как понятие «правильный латинский синтаксис» допускает довольно большое количество разных истолкований. Опять же, выбор того, какой именно язык восстанавливать, будет, по сути, набором субъективных интерпретаций.

языка VI–VIII вв.), но вряд ли правильно проводить непроницаемую границу между ними и орфографией самого изначального текста: многие из них явно восходят к ней, хотя мы и можем рассуждать о том, какие именно, только гипотетически (опять же, этой реконструкции не следует бояться, важно просто помнить о ее гипотетичности — в этом случае, конечно, значительно большей, чем в случае просто стемматической реконструкции изначального текста)¹¹¹. Имеет смысл вводить в таких случаях какую-то градацию вероятности, с которой можно говорить о том, что чтение восходит к изначальному тексту. Если для каролингского и позднейшего времени более вероятным направлением изменения, по видимому, является замена «неправильной» формы на «правильную» (т. е. «неправильная» форма в духе позднеантичной и раннесредневековой орфографии в каролингских рукописях скорее будет сохраненной, чем нововведением), а для докаролингских рукописей возможны и введение новой «неправильной» формы, и сохранение старой (и, видимо, также устранение «неправильной» формы, хотя, наверное, реже), то следует, вероятно, в целом гипотетически возводить к изначальному тексту правдоподобные для него «неправильные» формы рукописной традиции (так как их невозможно отличить от смешавшегося с ними введенного переписчиками «шума», или по крайней мере от части этого «шума») — за исключением, наверное, тех случаев, когда какие-то из докаролингских рукописей дают в том же месте «правильную» форму и родственные отношения рукописей не указывают при этом на то, что это чтение скорее является инновацией, сделанной внутри какого-то семейства.

Стемматисты, выступающие за скептический подход к орфографии Григория Турского и Бенедикта, попадают, таким образом, на мой взгляд, в ту же ловушку непонимания, как работать с *реконструкцией текста*, что и «антирецензционисты». Подход, предлагаемый мной (или, может быть, что-то похожее на него, но с более тонким различением вероятностей того, что чтение восходит к оригиналу), — по сути дела, возвращение к практике Траубе и других ученых, схожим

111. Говорить об «орфографии/языке рукописей Григория Турского», как это делает Адамс, также, наверное, не бессмысленно, если учитывать два момента: во-первых, что часть относящихся сюда чтений скорее всего принадлежит самому Григорию; во-вторых, что эта ситуация не специфична для Григория Турского и других упомянутых авторов: по сути дела, с такой же неразделимостью написаний автора и написаний ранних писцов мы имеем дело практически во всех рукописных традициях текстов, сохраняющих сведения о субстандартных языковых явлениях латыни VI в.

образом подходивших к тексту, — я полагаю, позволит уважительно подойти ко всему континууму орфографий рукописных версий, не упуская при этом из виду их в конечном счете зависимость от орфографической формы изначального текста.

Заключение

Напоследок я тезисно суммирую содержание статьи, чтобы помочь читателю еще раз обозреть предлагаемую конструкцию в ее связности. Проблема «антирецензионистских» форм «новой филологии» в том, что за уважение и внимание к отдельной рукописи они фактически выдают на самом деле как раз далекую от уважительного отношения подмену природы этой рукописи. Обычно это сопровождается непониманием того, как устроена *реконструкция* наиболее вероятно написанного автором¹¹². Призыв к вниманию к отдельным рукописям при этом вполне имеет право на существование, если отделить его от на самом деле не нужного для него «антирецензионизма». Даже в такой традиционно «рецензионистской» области, как издание античных текстов, идея окончательно отойти от утилитаризма в работе с рукописями может оказаться полезной и даже соответствующей наметившимся у современных издателей тенденциям. Частная проблема, к которой полезно применить эти рассуждения, — это вопрос о том, следует ли как-то передавать неустойчивую орфографию рукописей в случае ряда латинских текстов VI в. н.э. Возвращение к «аномалистскому» подходу применительно к ним будет правильнее в том смысле, что позволит уважительно отнестись к чтением отдельных рукописей, одновременно избежав некорректных подходов, основанных, опять же, на недопонимании устройства реконструкции.

112. Анонимные рецензенты журнала *Vox medii aevi* рекомендовали мне подчеркнуть, что моя критика не подразумевает отвержения практики отдельной публикации разных редакций текста в тех случаях, когда это необходимо (один из рецензентов приводит в качестве примера ситуацию с изданием средневековых глосс). Это, разумеется, именно так; отдельная публикация разных редакций текстов никоим образом не противоречит стемматическому подходу и всегда допускалась в рамках него; опять же, уже Гастон Парис публиковал ряд версий «Жития св. Алексия» отдельно.

СОКРАЩЕНИЯ

- AASS – Acta Sanctorum
- BHL – Bibliotheca hagiographica Latina
- MGH – Monumenta Germaniae historica

ИСТОЧНИКИ

1. *Aristophanes. Lysistrate* / erkl. von U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berlin: Weidmann, 1927.
2. *Bucolici Graeci* / recens. et emend. V. de Wilamowitz-Moellendorff. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 1910.
3. *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain: An Edition and Translation of De gestis Britonum* / ed. by M. D. Reeve. Woodbridge: Boydell Press, 2007.
4. *Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum* / ed. W. Arndt, B. Krusch. Hannoverae: Hahn, 1885. (MGH SS rer. Merov. 1,1).
5. *Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X* / curaverunt B. Krusch et W. Levison. Hannoverae: Hahn, 1951. (MGH SS rer. Merov. 1,1).
6. *Eusebius Werke. Bd. 2. Kirchengeschichte* / hrsg. von E. Schwartz, T. Mommsen. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1903–1909.
7. *Humanist Educational Treatises* / ed. by C. W. Kallendorf. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2002.
8. *Iohannes Sarisberiensis. Metalogicon* / ed. by J. B. Hall, K. S. B. Keats-Rohan. Turnhout: Brepols, 1991.
9. *Isocratis Opera omnia* / recens. E. Drerup. Vol. I. Lipsiae: Dieterich (T. Weicher), 1906.
10. *La chanson de Roland* / publ. par J. Bédier. Paris: L'edition d'art, 1922.
11. *La vie de saint Alexis: Poème du XIe siècle...* / publ. par G. Paris, L. Pannier. Paris: Librairie A. Franck, 1872.
12. *Liber Estherae Graece* / ed. O. F. Fritzsche. Turici: Ex officina Orellii, Fuesslini et socc., 1848.
13. *Manilii Astronomicon liber primus* / recens. et enarr. A. E. Housman. Cantabrigiae: Typis Academiae, 1937.
14. *Marci Annaei Lucani Pharsalia* / editionem morte Cortii interruptam absolvit Carol. Frider. Weber. Lipsiae: C. H. F. Hartmann, 1828–1829.
15. *Maffeo Vegio. Short Epics* / ed. by M. C. J. Putnam, J. Hankins. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2004.
16. *P. Ovidi Nasonis Metamorphoses* / recogn. R. J. Tarrant. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 2004.
17. *Renart J. Le lai de l'ombre* / publ. par J. Bédier. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1913.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. Москва: Государственная академия художественных наук, 1927.
2. *Данилевский И. Н.* Историческая текстология. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
3. *Евдокимова Л. В.* «Историческое зеркало» Жана де Винье: перевод-комментарий // Культура интерпретации до начала Нового времени / науч. ред. О. С. Воскобойников, Ю. В. Иванова. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. С. 300–329.
4. *Лихачев Д. С. при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.
5. *Маас П.* Критика текста / пер. под ред. Д. О. Торшилова // Аристей. 2011. Т. 4. С. 136–173.
6. *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Ленинград: Прибой, 1928.
7. *Хаусмен А. Э.* О приложении разума к текстологии / пер. В. В. Зельченко // Древний мир и мы. Вып. 2. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 99–115.
8. *Шумилин М. В.* Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (VHL 7937). Фонология и орфография // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIV. Полутом I. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 632–661.
9. *A. E. Housman: Classical Scholar* / ed. by D. J. Butterfield, C. Stray. London: Duckworth, 2009.
10. *Adams J. N.* The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II). London: University of London, Institute of Classical Studies, 1976.
11. *Adams J. N.* Social Variation and the Latin Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
12. *Adams J. N.* An Anthology of Informal Latin, 200 BC–AD 900: Fifty Texts with Translations and Linguistic Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
13. *Avalle d'A. S.* Principî di critica testuale. Padova: Editrice Antenore, 1978.
14. *Bak J.* An Introduction to Editing Manuscripts for Medievalists. Logan: Utah State University, 2012.
15. *Bédier J.* La tradition manuscrite du Lai de l'ombre // Romania. 1928. Vol. 54. P. 161–196, 321–356.
16. *Bourgain P.* The Works of Gregory of Tours: Manuscripts, Language, and Style // A Companion to Gregory of Tours / ed. by A. C. Murray. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 141–190.

17. *Boyle L. E.* Optimist and Recensionist: “Common Errors” or “Common Variants”? // *Latin Script and Letters A.D. 400-900* / ed. by J. J. O’Meara, B. Naumann. Leiden: Brill, 1976. P. 264–274.
18. *Busby K.* Variance and the Politics of Textual Criticism // *Towards a Synthesis? Essays on the New Philology* / ed. by K. Busby. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 29–48.
19. *Canfora L.* Il copista come autore. Palermo: Sellerio, 2002.
20. *Carlini A.* ‘Recentiores, non deteriores’, ‘Comburendi, non conferendi’ // *ΜΟΥΣΑ: Scritti in onore di G. Morelli*. Bologna: Pàtron editore, 1997. P. 2–9.
21. *Cerquiglini B.* Éloge de la variante: histoire critique de la philologie. Paris: Éditions du Seuil, 1989.
22. *Cerquiglini B.* In Praise of the Variant: A Critical History of Philology. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999.
23. *Chiarini G.* Prospettive translachmanniane dell’ecdotica // *Ecdotica e testi ispanici*. Verona: Grafiche Fiorini, 1982. P. 45–64.
24. *Claussen M. A.* The Reform of the Frankish Church: Chrodegang of Metz and the Regula canonicorum in the Eighth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
25. *Clement R. W.* Two Contemporary Gregorian Editions of Pope Gregory the Great’s Regula pastoralis in Troyes ms. 504 // *Scriptorium*. 1985. Vol. 39. P. 89–97.
26. *Clogan P. M.* The Medieval Achilleid of Statius. Leiden: Brill, 1968.
27. *Coleman R.* Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti // *Latin vulgaire – latin tardif V* / ed. by H. Petersmann, R. Kettmann. Heidelberg: C. Winter, 1999. P. 345–356.
28. *Conte G. B.* Ope ingenii: Experiences of Textual Criticism. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013.
29. *Contini G.* Ricordo di Joseph Bédier // *Letteratura*. 1939. Vol. 3. P. 145–152.
30. *Contini G.* Un anno di letteratura. Firenze: Le Monnier, 1942.
31. *Contini G.* Esercizi di lettura sopra autori contemporanei con un’appendice su testi non contemporanei. Torino: Le Monnier, 1974.
32. *Contini G.* Filologia // *Enciclopedia del novecento*. Vol. II. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1977. P. 954–972.
33. *Contini G.* Breviario di ecdotica. Milano; Napoli: Ricciardi, 1986.
34. *De Keyser J.* Francesco Filelfo and Francesco Sforza. Critical Edition of Filelfo’s Sphortias, De Genuensium deditio, Oratio parentalis and his Polemical Exchange with Galeotto Marzio. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2015.
35. *Dembowski P. F.* Is There a New Textual Philology in Old French? Perennial Problems, Provisional Solutions // *The Future of the Middle Ages: Medieval Literature in the 1990s* / ed. by W. D. Paden. Gainesville: University Press of Florida, 1994. P. 87–112.

36. *Driscoll M. J.* The Words on the Page: Thoughts on Philology, Old and New // *Creating the Medieval Saga: Versions, Variability, and Editorial Interpretation of Old Norse Saga Literature* / ed. by J. Quinn, E. Lethbridge. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010. P. 85–102.
37. *Eriksen S. G.* New Philology/Manuscript Studies // *Handbook of Arthurian Romance: King Arthur's Court in Medieval European Literature* / ed. by L. Tether, J. McFadyen. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 199–214.
38. *Fiesoli G.* La genesi del lachmannismo. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000.
39. *Fleischman S.* Philology, Linguistics, and the Discourse of the Medieval Text // *Speculum*. 1990. Vol. 65. P. 19–37.
40. *Fränkel H.* Einleitung zur kritischen Ausgabe der Argonautika des Apollonios. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.
41. *Fränkel H.* Testo critico e critica del testo. Firenze: Le Monnier, 1983.
42. *Froger J.* La critique des textes et son automatisaton. Paris: Dunod, 1968.
43. *Galdi G.* Some Remarks on the Language of the Itinerarium Antonini Placentini // *Listy filologické*. 2015. Vol. 138. P. 41–63.
44. *Goold G. P.* Servius and the Helen Episode // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1970. Vol. 74. P. 101–168.
45. *Griffiths A. J. F., Wessler S. R., Carroll S. B., Doebley J.* Introduction to Genetic Analysis. New York: W. H. Freeman and Company, 2015.
46. *Hall J. B.* The Editing and Emendation of Medieval Latin Texts: Two Case Histories // *Studi medievali*. 1978. Vol. 19. P. 443–466.
47. *Hall J. B.* Previous Editions and Discussions // *P. Papinius Statius: Thebaid and Achilleid* / ed. by J. B. Hall. Vol. III. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 41–116.
48. *Haverling G. V. M.* On Variation in Syntax and Morphology in Late Latin Texts // *Latin vulgaire – latin tardif VIII* / ed. by R. Wright. Hildesheim; Zurich; New York: Olms, 2008. P. 351–360.
49. *Havet L.* Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins. Paris: Hachette, 1911.
50. *Heine O.* De Ciceronis Tusculanis disputationibus. Halis Saxonum: Typis Ploetzianis, 1854.
51. *Horsfall N.* Autograph MSS. of Virgil; a Note // *Vergilius*. 1995. Vol. 41. P. 57–59.
52. *Kenney E. J.* The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1974.
53. La trasmissione dei testi latini del medioevo / a cura di P. Chiesa, L. Castaldi. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2004–2008.
54. *Labov W.* The Social Stratification of English in the New York City. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

55. *Leonardi L.* Romance Philology between Anachronism and Historical Truth: On Editing Medieval Vernacular Texts // *Philology Matters! Essays on the Art of Reading Slowly* / ed. by H. Lönnroth. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 97–117.
56. *Löfstedt B.* Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität. Stockholm; Göteborg; Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1961.
57. *Lowe E. A.* Codices Latini antiquiores: A Palaeographical Guide to Latin Manuscripts Prior to the Ninth Century. Oxford: Clarendon Press, 1934–1966.
58. *Maas P.* Textual Criticism. Oxford: Clarendon Press, 1958.
59. *Maas P.* Textkritik. Leipzig: Teubner, 1960.
60. *Ménard P.* Réflexions sur la ‘nouvelle philologie’ // *Alte und neue Philologie* / hrsg. von M.-D. Gleßgen, F. Lebsanft. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 17–33.
61. *Ménard P.* De Chrétien de Troyes au Tristan en prose: Études sur les romans de la table ronde. Genève: Droz, 1999.
62. *Menzer M.* Review of Cerquiglini B. In Praise of the Variant: A Critical History of Philology. Baltimore, 1999 // *Bryn Mawr Review of Comparative Literature*. 2001. Vol. 2. N. 2. Article 10.
63. *Merisalo O.* Ludwig Traube and Philology // *Philology Matters! Essays on the Art of Reading Slowly* / ed. by H. Lönnroth. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 182–196.
64. *Meyer W.* Der Gelegenheitsdichter Venantius Fortunatus. Berlin: Weidmann, 1901.
65. *Minnis A.* Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988.
66. *Montanari E.* La critica del testo secondo Paul Maas: testo e commento. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2003.
67. *Montanari E.* Postilla: “La genesi del metodo del Lachmann” e “La genesi del lachmannismo” // *Timpanaro S.* La genesi del metodo del Lachmann. Torino: UTET, 2003. P. 185–211.
68. *Nichols S. G.* Introduction: Philology in a Manuscript Culture // *Speculum*. 1990. Vol. 65. P. 1–10.
69. *Nichols S. G.* Philology and Its Discontents // *The Future of the Middle Ages: Medieval Literature in the 1990s* / ed. by W. D. Paden. Gainesville: University Press of Florida, 1994. P. 113–144.
70. *Ó Riain D.* The Magnum Legendarium Austriacum: A New Investigation of One of Medieval Europe’s Richest Hagiographical Collections // *Analecta Bollandiana*. 2015. Vol. 133. P. 87–165.
71. *Oakley S. P.* The editio princeps of Priscian’s Periegesis and Its Relatives // *Latin Literature and Its Transmission* / ed. by R. Hunter, S. P. Oakley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 263–290.

72. *Orlandi G.* Perché non possiamo non dirci lachmanniani // *Filologia mediolatina*. 1995. Vol. 2. P. 1–42.
73. *Orlandi G.* Un dilemma editoriale: ortografia e morfologia nelle *Historiae* di Gregorio di Tours // *Filologia mediolatina*. 1996. Vol. 3. P. 35–71.
74. *Orlandi G.* Errore, corruzione, innovazione // *Filologia mediolatina*. 2008. Vol. 15. P. 1–18.
75. *Orlandi G.* *Scritti di filologia mediolatina*. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2008.
76. *Pasquali G.* *Storia della tradizione e critica del testo*. Milano: Mondadori, 1974.
77. *Pickens R. T.* The Future of Old French Studies in America: The “Old” Philology and the Crisis of the “New” // *The Future of the Middle Ages: Medieval Literature in the 1990s* / ed. by W. D. Paden. Gainesville: University Press of Florida, 1994. P. 56–63.
78. *Postgate J. P.* *Textual Criticism* // *A Companion to Latin Studies* / ed. by J. E. Sandys. Cambridge: At the University Press, 1913. P. 791–805.
79. *Reedy J. L.* *Orality, Textuality, and the Homeric Epics: An Interdisciplinary Study of Oral Texts, Dictated Texts, and Wild Texts*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
80. *Reeve M. D.* *Stemmatic Method: “qualcosa che non funziona”?* // *The Role of the Book in Medieval Culture* / ed. by P. Ganz. Turnhout: Brepols, 1986. P. 57–69.
81. *Reeve M. D.* Some Applications of Pasquali’s “criterio geografico” to 15th-Century Latin Manuscripts // *Le strade del testo* / a cura di G. Cavallo. Bari: Adriatica, 1987. P. 1–10.
82. *Reeve M. D.* *Eliminatio codicum descriptorum: A Methodological Problem* // *Editing Greek and Latin Texts* / ed. by J. N. Grant. New York: AMS Press, 1989. P. 1–35.
83. *Reeve M. D.* *Shared Innovations, Dichotomies, and Evolution* // *Filologia classica e filologia romanza: esperienze ecdotiche a confronto* / a cura di A. Ferrari. Spoleto: Centro italiano di studi sull’alto Medioevo, 1998. P. 445–505.
84. *Reeve M. D.* *Reconstructing Archetypes: A New Proposal and an Old Fallacy* // *Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M. L. West* / ed. by P. J. Finglass, C. Collard, N. J. Richardson. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 326–340.
85. *Reeve M. D.* *Manuscripts and Methods: Essays on Editing and Transmission*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2011.
86. *Reynolds L. D., Wilson N. G.* *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. Oxford: Clarendon Press, 1991.
87. *Schmidt P. L.* *Lachmann’s Method: On the History of a Misunderstanding* // *The Uses of Greek and Latin: Historical Essays* / ed. by A. C. Dionisotti, A. Grafton, J. Kraye. London: Warburg Institute, 1988. P. 227–236.

88. *Schmidt P. L.* Traditio Latinitatis: Studien zur Rezeption und Überlieferung der lateinischen Literatur / hrsg. von J. Fugmann, M. Hose, B. Zimmermann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000.
89. *Segre C.* La critica testuale // Atti del XIV Congresso Internazionale di Linguistica e Filologia Romanza. Vol. I / curato da A. Várvaro. Napoli; Amsterdam: Gaetano Macchiaroli; John Benjamins B. V., 1978. P. 493–499.
90. *Shumilin M.* Two Textual Notes on Maffeo Vegio's Antonias // Humanistica Lovaniensia. 2018. Vol. 67. P. 469–472.
91. *Solopova E., Lee S. D.* Key Concepts in Medieval Literature. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2007.
92. *Storey C.* An Annotated Bibliography and Guide to Alexis Studies (La vie de saint Alexis). Geneva: Droz, 1987.
93. *Stotz P.* Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 3: Lautlehre. München: C. H. Beck, 1996.
94. *Szarmach P. E.* Introduction // The Editing of Old English / ed. by D. G. Scragg, P. E. Szarmach. Woodbridge: D. S. Brewer, 1994. P. 1–6.
95. *Tarrant R. J.* A New Critical Edition of Horace // Latin Literature and Its Transmission / ed. by R. Hunter and S. P. Oakley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 291–321.
96. *Tarrant R. J.* Texts, Editors, and Readers: Methods and Problems in Latin Textual Criticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
97. Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics / ed. by L. D. Reynolds. Oxford: Clarendon Press, 1983.
98. *Timpanaro S.* La genesi del metodo del Lachmann. Torino: UTET, 2003.
99. *Timpanaro S.* The Genesis of Lachmann's Method / ed. and tr. by G. W. Most. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005.
100. *Traube L.* Textgeschichte der Regula S. Benedicti. München: Verlag der k. Akademie, 1898.
101. *Trovato P.* Everything You Always Wanted to Know about Lachmann's Method: A Non-Standard Handbook of Genealogical Textual Criticism in the Age of Post-Structuralism, Cladistics, and Copy-Text. Padua: libreriauniversitaria.it edizioni, 2014.
102. *Varvaro A.* La "New Philology" nella prospettiva italiana // Alte und neue Philologie / hrsg. von M.-D. Gleßgen, F. Lebsanft. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 35–42.
103. *Varvaro A.* The "New Philology" from an Italian Perspective // Text. 1999. Vol. 12. P. 49–58.
104. *Wenzel S.* Reflections on (New) Philology // Speculum. 1990. Vol. 65. P. 11–18.
105. *West M. L.* Textual Criticism and Editorial Technique Applicable to Greek and Latin Texts. Stuttgart: Teubner, 1973.

106. *Westra J. H.* What's in a Name: Old, New, and Material Philology, Textual Scholarship, and Ideology // *Neo-Latin Philology: Old Tradition, New Approaches* / ed. by M. van der Poel. Leuven: Leuven University Press, 2014. P. 13–24.
107. *Willis J.* Latin Textual Criticism. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1972.
108. *Zelzer K.* Zur Frage des Autors der *Miracula b. Andreae Apostoli* und zur Sprache des Gregor von Tours // *Grazer Beiträge*. 1977. Bd. 6. S. 217–241.
109. *Zelzer K.* *Regulae monachorum (3. Regula Benedicti)* // *La trasmissione dei testi latini del medioevo* / a cura di P. Chiesa, L. Castaldi. Vol. 1. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2004. P. 364–393.
110. *Zelzer K., Zelzer M.* Weiteres zu Textproblemen der *Regula Magistri* // *Wiener Studien*. 2007. Bd. 120. S. 215–246.
111. *Zetzl J. E. G.* Critics, Compilers, and Commentators: An Introduction to Roman Philology, 200 BCE – 800 CE. Oxford: Oxford University Press, 2018.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Catullus online. An online repertory of conjectures on Catullus. URL: <http://www.catullusonline.org> (дата обращения: 01.12.2020).
2. Magnum Legendarium Austriacum. URL: <http://mla.dingbat.at> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Giovanni Battista Ramusio. *Dei viaggi di Messer Marco Polo gentiluomo veneziano (Navigazioni et viaggi, II, 1559)* / Editione critica digitale progettata e coordinata da Eugenio Burgio, Marina Buzzoni, Antonella Ghersetti. Cura editoriale di Samuela Simion e Eugenio Burgio. URL: <http://virgo.unive.it/ecf-workflow/books/Ramusio/main/index.html> (дата обращения: 01.12.2020).

